

# ЖАМЧАДАЛА.

СОЧНЕНІЕ

И. Калашникова.

---

ЧАСТЬ II.

*Второе издание.*

---

С. ПЕТЕРБУРГЪ

---

1842.

**ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ**

съ тѣмъ, чтобы до напечатанія, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Декабря 11 дня 1841 года.

**Ценсоръ П. Корсаковъ.**

53292 / 2

---

**ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ЮГАНСОНА.**

## IX.

### НАЧАЛЬНИКЪ.



День именинъ Антона Григорьевича былъ самымъ памятнымъ днемъ для обитателей Камчатки: ибо именно къ этому дню должны они были заготовить порядочный запасъ всякой всячины для подарковъ дорогому имениннику. Подарки обыкновенно доставлялись ему изъ богатѣйшихъ острожковъ самими тоюнами, а изъ отдаленныхъ мѣстъ или исправниками, или присылались съ нарочными. Смѣшно было смотрѣть на почтеннаго Антона Григорьевича, когда онъ, бывъ въ душѣ величайшимъ грабителемъ, смиренно-мудренно сидѣлъ за Четин-минсею

ЧАСТЬ II.

наканувъ своихъ мянннъ, и стыдливо поглядывалъ, какъ приходившіе купцы и тоіоны завадывали мягкою рухлядью казенку, нарочно для сего устроенную подлѣ его кабинета. «Благодарствую, другъ мой! — говорилъ онъ каждому приносителю.— Это вовсе лишнее. Кабы я не боялся тебя обидѣть: то ни за что бы не принялъ.» По выходѣ же приносителя, онъ тщательно осматривалъ приношеніе, и если ходилъ оно недостаточнымъ, то съ великою злобою говорилъ: «А, мошенникъ! ты еще, видно не ученъ! Пожалѣлъ лыка, такъ отдашь и ремень!» Всѣ эти приношенія были однако жъ только экстра-ординарныя; независимо отъ нихъ были еще систематическія, единожды навсегда опредѣленныя, о которыхъ мы слышали ужъ изъ устъ Тарен. Съ этими-то поборами пріѣзжали сами исправники, которыхъ Антонъ Григорьевичъ умѣлъ удивительно держать въ рукахъ: это былъ охотникъ со сворою собакъ, которыхъ онъ пускалъ на добычу, и которыми позволялъ пользоваться и самимъ, накупывая въ сіе время веревку имъ на шею, дабы, при малѣйшемъ со стороны ихъ неповиновеніи, имѣть возможность не только прибрать ихъ къ рукамъ, но и задавить въ случаѣ нужды. Находясь, какъ

съ ними, такъ и съ другими довѣренными своими людьми, наединѣ, Антонъ Григорьевичъ хотя совершенно снималъ съ себя личину святоши, какъ въ семъ случаѣ ни къ чему не служившую, но за то надѣвалъ другую личину какой-то законности въ самыхъ мошенническихъ дѣлахъ, и рѣзкимъ начальническимъ тономъ требовалъ исполненія самыхъ незаконныхъ приказаній, какъ справедливаго и необходимаго, или какъ должной дани благодарности со стороны ихъ, за дозволеніе устроить свое состояніе. Боже сохрани, если кто оказывался въ семъ случаѣ неблагодарнымъ, то есть, не собиралъ всего опредѣленнаго и осмѣливался пріѣзжать не только съ пустыми, хотя не совсѣмъ съ полными руками. Такой смертный грѣхъ случился наканунѣ настоящихъ ямнинъ, съ исправникомъ Большерѣцкимъ, которому Тарей отказалъ въ оброкѣ на-отрѣзъ, представивъ нужды и бѣдность ово-его острожка.

Большерѣцкой исправникъ, коллежскій регистраторъ Сумкинъ, былъ маленькой, хромою мужичокъ, самой низкой и подлой души, почти вѣровавшій въ Антона Григорьевича и всегда готовый перенести отъ него всякую брань и обиду. Объяснѣвъ, съ видомъ величайшаго по-

добо­стра­стія и робости, отказъ Тарей, онъ едва не упалъ въ об­мо­рокъ, уви­дѣвъ вспыхнувшій на лицѣ сво­е­го по­ве­ли­те­ля огонь гнѣва и ярости.

«Неблагодарные, мошенники! — завопилъ Антонъ Григорьевичъ, кинувъ въ Сумкина Четимшею — я за васъ умираю на дѣлѣ, чтобы вы были спокойны да счастливы, а вы? Что вы дѣлаете со мной? Хотите меня по міру пустить!»

— Простите великодушно, ваше высокоблагородіе! Все будетъ исправлено!

«Подлецъ ты, мошенникъ! Все будетъ исправлено! Ты этого не хотѣлъ для меня сдѣлать? Я тебя заставляю думать о твоей обязанности.»

— Ваше высокоблагородіе! я бы со всѣмъ усердіемъ, да вѣдь острожекъ Тарей дѣйстви­тельно самый бѣдный....

«Да, бѣдный, потому что тутъ дѣло шло о моей вы­годѣ, а не о твоей. Я слышать этого не хочу!»

— Что же мнѣ дѣлать, ваше высокоблагородіе?

«Что дѣлать? А вотъ что:»

Антонъ Григорьевичъ обернулъ Сумкина къ дверямъ и вытолкалъ его въ шею.

— Добро же ты, шельма Тарей! — ворчалъ Сумкинъ, выходя изъ дома начальника: — я теперъ изъ тебя сокъ вытоплю; я посмотрю, какъ ты не отдашь мнѣ всего, да еще и съ сотенными процентами!

«Что такъ обезпокоились, Антропъ Спиридоновичъ? — спросилъ Сумкина попавшійся къ нему на-встрѣчу фельдшеръ.

«Ахъ это вы, Алексѣй Пантелѣевичъ! — вскричалъ Сумкинъ, бросаясь обнимать Шапгина.

— Извините, любезнѣйшій, въ потѣмахъ-то и не вижу! Давнымъ-давно не видалъ! Какъ поживаете?»

— Слава Богу! А откуда изволите путь-дорогу держать?

«Отъ начальника, любезнѣйшій! Признаться, сегодня провинился не много, такъ побранилъ, да и подзатыльникъ еще скронтъ изволилъ. Да брань на вороту не виснетъ, и отъ отца все стерпѣть можно, а, вѣдь, онъ у насъ не начальникъ, а отецъ!»

— Правда ваша, Антропъ Спиридоновичъ, правда, что отецъ!... А за что онъ васъ побить изволилъ?

«Да за мошенника Тарейю.»

Сумкинъ рассказалъ въ чемъ дѣло.

— Это мнѣ извѣстно, Антропъ Спиродоновичъ! — говорилъ Шангинъ. — Тутъ вы ни сномъ, ни духомъ не виноваты.

«То-то и есть, Алексѣй Пантелѣевичъ! Если начальникъ будетъ говорить съ вами объ этомъ, такъ, пожалуй-ста, замолвите золотое словечко, а покамѣстъ возьмите это серебряное колечко.... Такъ пришлось складно сказать.»

При сей подъяческой рвѣмъ, Сумкинъ всунулъ въ руку Шангина кошелекъ съ серебряными деньгами.

— Напрасно беспокоитесь, Антропъ Спиродоновичъ! Я и безъ этого исполнилъ бы ваше приказаніе....

Между-тѣмъ, по изгнаніи Сумкина, начальникъ мгновенно принялъ на себя спокойный видъ, ибо настоящій гнѣвъ его былъ притворный, какъ тактическая продѣлка, которую онъ употреблялъ съ людьми подлаго характера. Онъ поднялъ Минею, исправилъ въ ней смятые листы, и замѣтивъ закладкою житіе *Козьмы Безсребренника*, съ усмѣшкою положилъ книгу на столъ. «Моя жизнь — говорилъ онъ самъ съ собою — если сказать правду, не слишкомъ подходит на житіе этого святаго; но не всякому же быть безсребренникомъ! Впрочемъ и меня



можно назвать такъ же: серебра-то и у меня не много, только соболы да лисицы, а вѣдь это не серебро! Ха, ха, ха!... Только какъ ни посмотрю я на свои дѣла — продолжалъ онъ, нѣсколь-ко помолчавши — то самъ себѣ удивляюсь. Здѣш-ніе первые русскіе выходцы говаривали: въ Камчаткѣ-дѣ семь лѣтъ можно прожить счаст-ливо, а я — каково же? — одиннадцатый годъ обираю здѣсь праваго и виноватаго, и живу какъ мнѣ хочется! Вотъ что значить подобрать людей!... Я увѣренъ, что, напримѣръ, этотъ подлець Сумкинъ, теперь радъ съ живаго Та-рен содрать кожу, и принести мнѣ въ подарокъ, лишь бы я не сердился на него.... Да, власти у меня много, богатства еще болѣе; чего же еще надобно?... Ахъ, эта проклятая дѣвчонка не выходитъ у меня изъ ума!... Но что я могу сдѣлать?.... Она имѣетъ жениха; я — жену!....»

Сказавъ сіе, онъ опять замолчалъ и сталъ ходить по комнатѣ большими шагами.

«Да! это ужасно; но это должно быть!.... А мученіе совѣсти? А мука за гробомъ?....»

Онъ медленно повелъ глазами по стѣнѣ ком-наты и остановился на висящемъ на ней пор-третѣ иезуитскаго патера.

«Что ты мнѣ скажешь теперь, наставникъ»

моего дѣтства? Какъ ты разрѣшишь эту задачу—ты, который старался напечатлѣть на моемъ дѣтскомъ умѣ, что ни добрыя дѣла не могутъ спасти насъ, ни погубить худыя? Отвѣчай мнѣ теперь: твой отвѣтъ мнѣ въ эту минуту всего нужнѣе! Ты молчишь? Такъ пусть же тягость моего злодѣянiя обрушится надъ тобою! Пусть же отъ тебя потребуютъ отвѣта въ моемъ преступленiи, если ты обмануль меня. . . . Я рѣшился,—и дѣло кончено! . . .»

Въ эту минуту послышался шорохъ за дверью. Начальникъ схватилъ опять Чети-Минею и принялъ на себя видъ глубокаго вниманiя.

— Здравiя желаю, ваше высокоблагородiе!  
—сказалъ вошедшiй въ комнату фельдшеръ.

«А это ты, Алексѣй? Куда это чортъ тебя занесъ? Вѣдь, шутка ли, два мѣсяца цѣлыхъ слонялся?»

— Слава Богу, ваше высокоблагородiе, что еще и живъ остался. . . .

«Что съ тобой сдѣлалось?»

— Да что, ваше высокоблагородiе! Нашъ почтенный отецъ - протоіерей изволилъ разъѣзжать, да только бунтуетъ народъ. . . .

«Какъ такъ?»

— А вотъ извольте видѣть! Продавалъ я въ *Кууюхчинъ* вашу водку....

«Гдѣ же товары?»

— А вотъ здѣсь, ваше высокоблагородіе! Четыре сорочка. Извольте посмотрѣть: масть къ масти!

«Хорошо, положи! Ну, такъ что же?»

— И протопопъ тутъ же былъ, да Зудю....

«А, это старъй мошенникъ!»

— Да молодой офицеръ, да внучка протопопа....

При семь словъ краска показалась на лицѣ начальника, и онъ съ нетерпѣніемъ прервалъ фельдшера: «Тфу, къ чорту! Что ты все это мнѣ рассказываешь?»

— Имѣйте терпѣніе, ваше высокоблагородіе: я не задержу васъ. Вотъ я продаю водку, и вижу: дѣло не ладно: протопопъ съ Зудю такъ и честятъ вашу милость, индо меня морозъ по кожѣ подралъ....

Фельдшеръ пересказалъ разговоръ протопопа съ Зудю, переначивъ его по-своему. Выслушавъ его, начальникъ вскричалъ въ бѣшенствѣ: «Они осмѣлились поносить меня?»

— Я не солгу ваше высокоблагородіе.

«Дорого же будетъ имъ стоять эта брань!  
Продолжай!»

— Вотъ они говорили, говорили, да и начали уговаривать тоіона на бунтъ: чтобы онъ не покупалъ отъ меня водки, чтобы отказался отъ платежа оброка....

«Клянусь Богомъ! — вскричалъ начальникъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Они раскаются въ этихъ поступкахъ!»

— Но это еще только цвѣтки, ваше высокоблагородіе; ягодки еще впереди. Услышавъ ихъ возмутительныя рѣчи, Тенява, братъ тоіона, закричалъ-было, что если они не уймутся, то онъ-де донесетъ на нихъ начальству.... какъ они всѣ вдругъ бросятся на него, схватили его за горло, да и давай давить. Я-было присталъ— гдѣ ты! Какъ пять дали, уходили, да и я едва ноги унесъ, да вотъ и прохворалъ въ Больше-рѣцкѣ безъ малаго двѣ недѣли.

«Такъ и офицеръ участвовалъ въ убійствѣ?»  
— спросилъ начальникъ съ дикою радостію.

— Всѣ, всѣ, ваше высокоблагородіе!

Начальникъ замолчалъ. Онъ сложилъ руки на грудь, и началъ ходить по комнатѣ, погрузившись въ самую глубокую думу. «Не понимаю — думалъ онъ—какой злой рокъ покровитель-

ствуешь всѣмъ моимъ намѣреніямъ? Сколько доносовъ, сколько клеветы и правды было писано на меня, и все сошло съ рукъ, какъ нельзя лучше! Самыя черныя дѣла мои обратились въ мою пользу, и самыя справедливыя жалобы мнѣ удалось опровергнуть! Теперь я замышляю самое страшное дѣло, и что же? Кто это помогаетъ мнѣ? Какой злой духъ раздѣляетъ со мной мои желанія?.... Я напередъ знаю, что этотъ бездѣльникъ, взводя убійство на протопопу и мичмана, говорить ложь, и что онъ, или проникнувъ своимъ лукавымъ умомъ въ расположеніе моей души, или изъ собственной мелочной выгоды готовъ погубить невинно мать и отца роднаго; но тѣмъ не менѣе онъ вдругъ доставляетъ мнѣ прекрасный предлогъ къ совершенію моего намѣренія, когда я всего менѣе ожидалъ этого? Что жъ это значитъ? ... Я могу теперь взять тотчасъ подъ арестъ этого офицера, сдѣлать его чернѣе сажи, хотя бы совѣсть его была свѣтлѣе солнца и, наконецъ, совершенно погубить его!... Ужели злой духъ доставляетъ мнѣ этотъ случай, дабы увлечь меня въ погибель? Но такъ и быть: демонъ или судьба помогаютъ мнѣ, я воспользуюсь этою помощію!»

— Послушай, Алексѣй! Ты затѣваешь дѣло нешуточное; имѣешь ли ты свидѣтелей?

«Имѣю, ваше высокоблагородіе!»

— Кто жъ они таковы?

«Во-первыхъ: дьячекъ Шайдуровъ.»

— Ручаешься ли ты, что этотъ уродъ поддержитъ твои слова?

«Такъ думаю, по крайней мѣрѣ, потому, что онъ золъ на протопопа и офицера. Вѣдь, вы изволите знать, что онъ хотѣлъ жениться на протопопской внучкѣ. Онъ тоже расскажетъ вамъ, какъ они понесли и позорили ваше имя.....»

— Хорошо! Я дамъ имъ знать себя! Я ихъ разобью.....

«Въ дребезги, ваше высокоблагородіе! — воскликнулъ вошедшій въ сіе время съ кипюю бумагъ секретарь начальника, Петръ Федоровичъ Погремушкинъ, не менѣе своего владыки склонный ко взяткамъ и къ грабительству, но разыгрывавшій роль человѣка строгаго и правдолюбиваго, и поощрявшій Антона Григорьевича ко всякому злу подъ видомъ искорененія злоупотребленій — Въ дребезги! — повторилъ онъ. — Коли истреблять зло, такъ надобно его вырывать съ корнемъ!»

— Правда твоя, Петръ Ѳедоровичъ!.....  
Но что это у тебя подъ-мышкою?

«Почта.»

— Давай скорѣе!

Начальникъ схватилъ съ нетерпѣніемъ пакеты и, отобравъ предписанія губернаторскія, проворно распечатывалъ ихъ и бѣгло прочитывалъ. Въ это время фельдшеръ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, а Петръ Ѳедоровичъ, также любившій выдавать себя за человѣка просвѣщеннаго, занялся разборкою журналовъ, кѣторыхъ было получено вдругъ нѣсколько книжекъ, съ ноября по апрѣль, ибо почта пришла за цѣлые полгода (\*). Петръ Ѳедоровичъ, прочитывая заглавія и раскладывая журналы по кучкамъ, дѣлалъ свои замѣчанія:

«Что нибудь!.... Ба! только два нумера! Вотъ извольте платить деньги по пустякамъ, и ждать цѣлые полгода, чтобы, наконецъ, узнать, что г. издатель вздумалъ повеселиться на счетъ добродушныхъ подписчиковъ. Что станешь дѣлать съ мошенниками?.... *Вечерняя заря*..... Вотъ это журналъ хоть куда! и издается ис-

---

(\*) И нынѣ почта въ Камчатку приходитъ только два раза въ годъ.

правно, и есть очень хорошія статейки!.....  
*О познаніи Бога, самого себя и своихъ должа-  
ностей*.... Прекрасно! Антошь Григорьевичъ,  
вотъ статейка!»

— Хорошо, хорошо, Петръ Федоровичъ!  
Разбери поскорѣе, да отошли къ женѣ: это по  
оя части.

*«Покоящийся трудолюбець.... Растущій ви-  
ноградъ.... Иртышъ, превращающійся въ Инок-  
рену.... А вотъ и книжечка вашего племянни-  
ка: Зерцало древней учености....»*

— Сколько экземпляровъ?

«Кажется, экземпляровъ пятьдесятъ бу-  
детъ....»

— Такъ разошлите, Петръ Федоровичъ,  
поскорѣе при письмахъ къ исправникамъ, что-  
бы роздали Камчадаламъ и поскорѣе прислали  
деньги. Эта книга для нихъ будетъ очень по-  
лезна,

«Ваша правда.» — отвѣчалъ секретарь безъ  
малѣйшей усмѣшки.

Послѣ сего начальникъ опять сталъ пере-  
сматривать бумаги и вдругъ вскричалъ: «Еще  
доносъ!»

— Доносъ? — подхватилъ Петръ Федоро-  
вичъ, оттолкнувъ въ сторону книги и журналы.—



Вотъ что значить быть великодушнымъ! Я давно говорилъ вамъ: съ бездѣльниками церемониться нечего! Въ дребезги да и полно! Кто жъ это осмѣлился васъ чернить?

«Пріятель мой, отецъ протоіерей.... Это за то, что я воспиталъ его внучку!.... Вотъ неблагодарные!»

— Что же написалъ онъ?

«Слушай!»

*Злоупотребленія превзошли здѣсь всю мѣру; нѣтъ правосудія въ судахъ; торговля въ рукахъ начальника; жители разорены, и вопль ихъ....*

«А, попь! такъ и ты вздумалъ клеветать на меня!»

— Дерзость, непомятая дерзость! — воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ. — Ложь и клевета невообразимыя!

— Ну, пусть же онъ лжетъ: онъ теперь въ моихъ рукахъ! Сейчасъ только Алексѣй рассказалъ мнѣ ужасное дѣло.

Объяснивъ доносъ фельдшера, начальникъ прибавилъ въ заключеніе: «Петръ Ѳедоровичъ! потрудитесь приготовить къ завтраму предписаніе на имя большерецкаго исправника, чтобы онъ произвелъ объ этомъ слѣдствіе *самымъ* часть II.

*строжайшимъ и, разумѣется, самымъ безпристрастнымъ образомъ. Я думаю и васъ также прикомандировать къ этому. Ваше безпристрастіе мнѣ совершенно извѣстно....*

— Благодарю, ваше высокоблагородіе, за доброе мнѣніе. При такомъ начальникѣ, какъ вы, не быть безпристрастнымъ.....

«И также, пожалуй-ста, приготовьте хорошій отвѣтъ губернатору. Еще я желалъ бы имѣть свѣдѣніе о состояніи вообще здѣшняго духовенства. Кажется, не худо бы поставить на видъ.....»

— Да ужъ когда бить — сказалъ съ жаромъ Петръ Ѳедоровичъ, — такъ надобно добывать: полу-мѣры ни куда не годятся! Я это вамъ давно твержу.

«Что дѣлать, Петръ Ѳедоровичъ? Великодушіе меня губить!»

— Да, и добродѣтель неумѣстная вредна!

«Ну, такъ и быть, что сдѣлано, то сдѣлано! Петеряннаго не воротись! По крайней мѣрѣ теперь постараемся поправить ошибку. Займитесь же, пожалуй-ста, бумагами.»

Надобно сказать правду, что Петръ Ѳедоровичъ былъ человекъ весьма неглупый, искусный въ писаніи бумагъ и величайшій мастеръ

дѣлать изъ чернаго бѣлое. По-утру чѣмъ свѣтъ, онъ уже былъ въ кабинетѣ начальника.

«Вотъ вашему высокоблагородію подарокъ въ день именинъ. Извините: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!»

— Спасибо, Петръ Федоровичъ! Этотъ подарокъ мнѣ всего нужнѣе. Ну, читай же, что написалъ.

Секретарь началъ съ отвѣта губернатору.

«Съ самага вступленія моего въ управленіе Камчаткою я прилагаю неусыпныя попеченія, обозрѣвъ всѣ части, выскнуть въ состояніе оныхъ и привести ихъ въ лучшее положеніе, сколько позволяли зависящія отъ меня средства. Съ ужасомъ увидѣлъ я повсемѣстный беспорядокъ, злоупотребленія, разстройство, развратъ и всеобщее растлѣніе въ нравахъ....»

— Прекрасно! Продолжайте!

«Рѣшившись, съ самымъ пламеннымъ усердіемъ къ пользѣ службы, дѣйствовать къ искорененію сего зла, я встрѣтилъ величайшія и неожиданныя препятствія. Чиновники, духовные и граждане, бывъ болшею частію изъ числа сосланныхъ, и, слѣдовательно, нося въ себѣ сѣмена всякаго зла, составили между собою *коμπлотъ*, дабы противиться принимаемымъ мною

жѣрамъ, и сговорились всячески чернить меня предъ лицомъ высшаго начальства....»

— Превосходно, безподобно! Сущая истина!

Секретарь, наконецъ, дочиталъ бумагу, въ которой, по опроверженіи протопопскаго доноса, на самого его взводилась самая нелѣпая клевета: что онъ не старается вовсе о распространеніи Христіанской вѣры между инородцами; что, напротивъ, присутствіемъ своимъ при ихъ суевѣрныхъ обрядахъ, какъ то - на свадьбахъ, похоронахъ и т. п., самъ поощряетъ ихъ къ продолженію идолопоклонства и разврата; что слабое правленіе его духовенствомъ подало поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ и порокамъ; что онъ возстановляетъ и возмущаетъ народъ противъ начальства; что онъ замѣшанъ по дѣлу объ убійствѣ Камчадала Тенявы: о чемъ-де производится уже слѣдствіе, и проч. и проч. Словомъ сказать: не было преступленія, котораго маст еская рука правдолюбиваго секретаря не взвела бы на этого добродѣтельчѣйшаго христіанина, каковъ былъ протопопъ Верещагинъ, и всѣ эти клеветы, бывъ изложены складно и дѣльно въ формѣ официальной бумаги, приняты видъ величайшей вѣроятности.

Начальникъ былъ въ восхищеніи и, подписавъ бумагу, разцѣловалъ Петра Федоровича.

«Вотъ, это-то—говорилъ онъ съ чувствомъ величайшаго удовольствія — значитъ поднести красненькое яичко! Удружилъ, Петръ Федоровичъ, удружилъ! Ну, покажите же мнѣ прочія бумаги.»

— Вотъ предписаніе исправнику.... предписаніе на мое имя..... предписаніе на имя ниже - камчатскаго уѣзднаго суда, дабы онъ для сужденія дѣла о бунтѣ прибылъ сюда. Вѣдь, я чай, вы по болѣзни вашей ноги, не можете скоро туда отправиться, а это дѣло такого рода, что требуетъ ближайшаго надзора....

«Это правда! Ты вздумалъ очень дѣльно!»

— Предписаніе исправникамъ на счетъ поведенія духовныхъ.....

«А, хорошо! Спасбо, что не забылъ! Эта бумага весьма пужна!»

— Предписаніе городничимъ, чтобы они старались всѣми мѣрами узнавать: не затѣвается ли гдѣ комплота противъ начальства, и потомъ старались немедленно схватывать бумага, и самихъ таковыхъ злоумышленниковъ брать подъ стражу!

«Прекрасно! Это давно надлежало сдѣлать!»

Этого требуетъ спокойствіе цѣлой здѣшной страны.»

— Наконецъ предписаніе о взятіи подъ стражу мичмана и протопопа....

«Нѣтъ, это еще рано! Съ протопопомъ, по его званію, наобно поступать осторожнѣе, а къ мичману, во вчерашней связкѣ, я нашелъ письмо изъ Иркутска. Прежде я хочу узнать, отъ кого оно, дабы судить о его связяхъ. Этого требуетъ благоразуміе!»

— Ваша правда, Антонъ Григорьевичъ! Въ дѣлахъ человѣческихъ не довольно быть только невиннымъ, но необходимо нужна, сверхъ того, крайняя осторожность.

«Такъ я и думаю: если откроется, что связи его въ Иркутскѣ значительны, то, до окончанія слѣдствія, было бы несправедливостѣннять его, а тамъ отъ рукъ правосудія онъ скрыться не можетъ.»

Смѣ окончился разговоръ.

Секретарь вышелъ, а начальникъ, отворивъ немного дверь въ залъ, гдѣ собрались уже для проздравленія съѣхавшіеся чиновники, купцы, тоіоны и почетнѣйшіе жители острожка, позвалъ къ себѣ Сумкина, и, отдавая ему предписаніе, сказалъ строгимъ голосомъ:

«Вотъ, Сумкинъ, тебѣ предписаніе о производствѣ слѣдствія, по донесенію Алексѣя. Я *увѣренъ*, что донесеніе его *совершенно справедливо*, и я напередъ тебѣ скажу, что если осмѣлишься ты представить это дѣло *въ другомъ, возможномъ видѣ*, то не усидишь на мѣстѣ ни одного часа. Понимаешь-ли меня?»

— Понимаю, ваше высокоблагородіе!

«Я отъ тебя требую *совершенного безпристрастія, безкорыстія и истины*. Помни же это, да покамѣсть не пріѣдешь на мѣсто, то, Боже тебя храни! сказать кому бы то ни было объ этомъ порученіи! Ни женѣ, ни дѣтямъ! Слышшь-ли?»

— Слушаю Ваше высокоблагородіе!

По выходѣ Сумкина начальникъ, начиная приготовляться къ обѣднѣ, думалъ между тѣмъ: «Кажется, все мною обдуманно хорошо! Сумкину я выразилъ свои мысли довольно ясно; онъ не осмѣлится написать другаго. Къ тому же этотъ плутъ, играющій роль правдухи, мой почтенный секретарь Погремушкинъ, пособитъ это дѣло представить по моему желанію, зная мои отношенія съ протопопомъ. . . . И такъ его брань и доносы, и наговоры, отольются ему со сторицею! А что касается до мичмана, то опъ изъ рукъ

моцхъ не уйдетъ, хотя я и не возьму его теперь подъ стражу. Средствъ много отъ него отдѣлаться, и свадьбы своей не видать ему, какъ своихъ ушей! Словомъ: покуда все идетъ, какъ не лъзя лучше; но конецъ вѣичаетъ дѣло!» — сказалъ онъ вслухъ.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе! — подхватилъ вошедшій въ сію минуту дядечекъ. — *Finis bonus coronat opus!*

«Что ты скажешь, Степанычъ?»

— Во-первыхъ: честь пмѣю поздравить васъ съ ангеломъ, и пожелать вамъ лѣта Маѹсаиловы; а во-вторыхъ, доложить, что отецъ протоіерей уже располагаетя начать обѣдню, дожидая ваше высокоблагородіе ровно два часа бытыхъ....

«Хорошо! хорошо! Извини меня предъ отцемъ протоіереемъ, и скажи, что сейчасъ иду.»

Послѣ сего, выйдя въ пріемную комнату, начальникъ раскланялся съ ожидавшею его давнымъ-давно подобоострастною толпою, и вмѣстѣ съ нею отправился туда, гдѣ душа кающагося грѣшника можетъ обрѣсть Небо; а нераскаяннаго—вѣчное наказаніе; однако жъ Антонъ Григорьевичъ, надѣвъ опять на себя роль смирен-



но-мудреннаго христіанна, столь хорошо разыгрывалъ ее, что безпрестанно утиралъ слезы, и проплакалъ отъ умиленія почти всю обѣдню.



## Х.

### О Б Ъ Д Ъ .

---

По окончаніи обѣдни, начальникъ, не показавъ ни малѣйшаго вида неудовольствія, пригласилъ протопопа къ себѣ на обѣдъ, за которымъ посадилъ его по правую сторону; по лѣвую сѣдѣла его супруга; далѣе Марія и мячманъ; въ концѣ же стола засѣдали дьячекъ и фельдшеръ, приглашенные къ обѣду по известной пословицѣ: *на безрыбье и ракъ рыба*. Сверхъ сихъ лицъ, были еще нѣсколько чиновниковъ съ женами; но мы не имѣемъ надобности именовать ихъ, замѣтивъ только одно обстоятельство, что земскіе отличались особенною свобо-

дою и самоувѣренностію въ превосходствѣ предъ своими собратіями. Обѣдъ шелъ весьма тихо и чинно. Любимый разговоръ Антона Григорьевича, когда онъ находился въ собраніи, былъ о суетѣ міра, о трудномъ пути креста, о самоотверженіи и презрѣніи всѣхъ благъ житейскихъ и проч. и проч. Сверхъ того, за столомъ у него всегда была читана Библия, и на сей разъ сіе чтеніе было поручено дьячку, который самымъ выразительнымъ и нѣсколько гнусноватымъ голосомъ, съ необходимымъ для него прибавленіемъ глупѣйшихъ жестовъ, провозгласилъ:

*Книга Іисуса сына Сирахова.*

*Чадо! живота нищаго не лиши, и не отвращай очесъ отъ просящаго; души алчущія не оскорби, и не разгнѣвай мужа въ нищеть его . . . .*

— Вотъ истинная мудрость! — говорилъ Антонъ Григорьевичъ, обращаясь къ протопопу. — Вотъ чему мы должны бы слѣдовать!

Протопопъ наклонилъ голову въ знакъ согласія, но не сказалъ ни слова, а дьячекъ продолжалъ:

*«Не уповай на ильніе твое, и не рцы: довольно ми суть. . . . Не рцы: кто мя преможетъ; Господь бо мстятъ отмститъ тж. . . .»*

При семъ словѣ начальникъ принялъ мрачную мину, и, прервавъ чтеніе, сказалъ дьячку: «Ну-ка, Степанычъ, прочитай что-нибудь изъ книги *Юва*. Я особенно люблю эту книгу — говорилъ онъ обращаясь къ протопопу: — Тутъ есть столько сходнаго съ моимъ положеніемъ!»

Дьячекъ развернулъ сію книгу, и продолжалъ чтеніе съ величайшею монотоніею; гости всѣ молчали, и обѣдъ походилъ болѣе на похоронный, нежели на ямьянный. Самъ ямьянникъ показывалъ видъ глубочайшаго вниманія къ чтенію, и только знающему состояніе его души можно было бы примѣтить тѣ бѣглыя, но поѣдающіе взгляды, которые онъ бросалъ на Марію. Въ одинъ изъ сихъ моментовъ, дьячекъ, исключительно мѣтившій на мичмана, съ большею противъ обыкновеннаго энергіею возгласилъ: «*Завѣтъ положихъ очима моима, да не помышлю на дѣвицу....*» Самое мгновенное содроганіе пробѣжало по лицу сластолюбиваго лицемѣра, и хотя никто не могъ примѣтить сего, кромѣ собственной его совѣсти, но онъ, тревожась ложнымъ опасеніемъ виновнаго, счелъ необходимымъ придать этому движенію другую причину. «Ахъ, Боже мой! — говорилъ онъ — я и забылъ отдать вамъ, Викторъ Ивановичъ!....»

Къ вамъ есть письмо . . . . Вотъ оно! Прочитайте, пожалуй-ста, теперь, и если нѣтъ никакого секрета, то расскажите намъ: кто и что къ вамъ пишетъ. Намъ здѣсь всякая бездѣльная новость драгоцѣнна.»

— Это отъ правителя канцеляріи намѣстника — сказалъ мичманъ, взглянувъ на подпись письма. — Онъ старинный другъ моего благодѣтеля, который меня воспиталъ.

Легкое смущеніе показалось на лицѣ начальника, и каждый изъ чиновниковъ сдѣлалъ примѣтную гримасу, невольно выразившую сію мысль: Э! э! Такъ вотъ какія связи!» Мичманъ, дочитывая про себя письмо, вдругъ измѣнился въ лицѣ, и задыхаясь отъ слезъ, едва могъ произнести: «Я лишился его!»

— Что такое? Кого ты лишился? — вскричала Марія.

«Онъ умеръ! Онъ, который былъ мой вторымъ отцемъ! . . . Его уже нѣтъ! Ахъ, Боже мой!»

— Что же дѣлать, Викторъ Ивановичъ? — говорилъ начальникъ, взявъ письмо съ видомъ величайшаго соболѣзнованія; но въ самомъ дѣлѣ единственно изъ любопытства, дабы лучше судить объ отношеніи мичмана къ правителю

канцеляріи. — Что дѣлать? Такова участь всѣхъ смертныхъ!»

— Это правда, что такова! — подхватилъ протопопъ, истинно тронутый положеніемъ мичмана. — *Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ. Время рождати и время умирати; время садити и время исторгати сажденное . . . .*

«Одного опасуюсь я — сказалъ по нѣкоторомъ промежуткѣ начальникъ протопопу въ полголоса, но такъ, чтобы слышно было мичману — опасуюсь, чтобы это непріятное пзвѣстіе не помѣшало вашей свадьбѣ. Но впрочемъ, что же такое? вѣдь, не отецъ родной!»

— Но онъ былъ мнѣ — подхватилъ мичманъ — дороже роднаго отца! Отецъ сталъ бы заботиться обо мнѣ частію по своей обязанности, а онъ единственно по добротѣ сердца призрѣлъ меня, сироту, воспиталъ. . . .

«А гдѣ же были родители ваши?» — спросила жена начальника.

— Я лишился ихъ еще въ младенчествѣ — отвѣчалъ мичманъ, нехотѣвшій объяснять при семъ подробности своей исторіи, — и этотъ человекъ заступилъ мнѣ ихъ мѣсто!

«Если такъ — сказалъ начальникъ съ ви-

домъ наставителя, — то, конечно, вы сдѣлаете доброе дѣло, почтивъ его память. Ваше счастье впереди, и отъ васъ не уйдетъ; но на вашемъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, повременить съ полгода. . . .» .

— Боже мой! съ полгода! Потеря его для меня невознаградима, и сколько я ни люблю Марию, но чтобы залечить эту рану, надобно много времени! . . .

Эта рѣшимость мичмана могла бы, можетъ быть, опечалить всякую невѣсту, но не Марию, которой ангельская душа въ сію минуту была занята единственно горестію своего любовника, безъ всякаго вниманія къ собственному положенію. Она, смотря на него, также не могла удержаться отъ слезъ, и горько плакала.

— Какъ они любятъ другъ друга! — сказалъ начальникъ протопопу, почувствовавъ злое удовольствіе и адскую надежду при словахъ мичмана, и потому давъ волю своему языку изъ понятнаго однимъ злодѣямъ удовольствія: насмѣхаться надъ несчастными. — Какъ они любятъ другъ друга! И какое вы прекрасное дѣло сдѣлали, что сговорили ихъ! Они достойны одинъ другаго, и я всегда смотрю на нихъ съ восхищеніемъ!

«Да, они точно стоятъ одинъ другаго! — подхватила начальница. — И какъ грустно смотрѣть на слезы существъ, столь счастливыхъ за минуту! Надобно же было случиться этому несчастію!»

Между тѣмъ, вслушиваясь и всматриваясь во всё происходившее, дьячекъ мѣлъ отъ удовольствія: ибо лучъ благой надежды также блеснулъ въ высокой душѣ его. «Можетъ быть, думалъ онъ, отсроченная свадьба и вовсе не состоится, и я еще успѣю переработать это дѣло: склонить на свою сторону и слѣпую любовь и вѣтренную форту!»

«Не унывай! — прибавилъ онъ въ полголоса, не могли скрыть сильнаго преобладанія сей мысли. — Не унывай, душа великомощная! *Macte proge!* Смѣло шествуй!»

— Куда это, Клима Степанычъ — спросилъ съ усмѣшкою фельдшеръ — куда это вы изволите отправлять вашу душу?

«Какую душу? Ни куда не отправляю! — отвѣчалъ опомнившійся и покраснѣвшійся дьячекъ. — Я такъ думалъ кое-что про себя....»

— Что же ты думалъ, Клима Степанычъ?

«А вотъ что, Алексѣй Пантелѣевичъ! Хотя я тогда въ поныхахъ, какъ мы были на Лопат-



къ, и далъ тебѣ слово, помнишь, на берегу моря; но теперь я вижу: дѣло принимаетъ другой видъ, и мнѣ просіяваетъ новый лучъ животворной надежды. . . .»

— То есть, ты хочешь теперь на попятный дворъ?

«Нѣтъ, не то! — отвѣчалъ дьячекъ. — Я хочу только отложить это дѣло, и прежде попробовать поговорить съ Марьей Алексѣвной: авось либо! Мнѣ кажется — присовокупилъ онъ съ усмѣшкою самоувѣренности, родившейся особенно въ продолженіе обѣда отъ частаго прикосновенія къ рюмкѣ съ эрофенчемъ — мнѣ кажется, и мы не хуже другихъ! Какъ ты думаешь, Алексѣй Пантелѣвичъ?»

— Попробуй, Климъ Степанычъ — говорилъ фельдшеръ съ плутовскою улыбкою, бывъ напередъ увѣренъ въ его неудачѣ — попробуй! Попытка не шутка, спрось не бѣда! Бояться медвѣдя, такъ и въ лѣсъ не ходить!

«То-то и есть, Алексѣй Пантелѣвичъ!»

— Ну, а если — спросилъ фельдшеръ — Марья Алексѣвна все-таки не полюбитъ васъ: такъ тогда что?

«Тогда я уже прибѣгну къ твоей помощи, и въ награду за нее готовъ буду все подтвер-

днѣ, что ни вздумается тебѣ сказать; только и ты сдержи свое слово: когда засадятъ въ тюрьму этого бестію мичмана и протопопа, то тебѣ внучка его непременно была выдана за меня! Такъ-ли?»

— Разумѣется, что такъ, и вотъ тебѣ доказательство!....

Онъ поднялъ рюмку, чокнулся ею объ рюмку дьячка, и выпилъ сразу.

— Ахъ, братъ Алексѣй! — сказалъ начальникъ — ты все эроченчъ-то потягиваешь! Вѣдь я и забылъ послать тебѣ твою порцію!

Сказавъ сіе, онъ напилъ порядочный бокалъ наливки, и послалъ къ фельдшеру, который, вскочивъ на ноги, и поднявъ бокалъ «кверху, провозгласилъ иво всей мочи: «Здравіе и долголетствіе вашему высокоблагородію! ура!»

Всѣ земскіе чиновники и секретарь начальника, любившій хвастаться своимъ басомъ, подхватили ура фельдшера, и смѣхъ заключился обѣдъ.

## XI.

### УРОКЪ ВЪ ИСТОРИИ.

---

Роковое извѣстіе, полученное мичманомъ въ день вмяншиъ начальника, отдалило его свадьбу на цѣлый годъ. Это было причиною, что жизнь Маріи, исключая исторіи сердца, опять потекла по прежнему; опять начала она, по совѣту своего дѣда, заниматься ученіемъ, и вслпкой наставникъ ея, дьячекъ Климъ Степановичъ, снова вступилъ въ права свои. Дня, въ который было назначено начать продолженіе уроковъ, онъ ожидалъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ скряга платежа по векселю, наслѣдникъ смерти своего богатаго родственника, или судья про-

сителя съ обѣщанною взяткою. Наконецъ день сей насталъ. Дьячекъ, вычистивъ тщательно, вопреки своему обыкновенію, свой сѣрой, длиннополой сюртукъ и примазавъ кваскомъ пучекъ, пошелъ подобно Аристотелю въ извѣстной сказкѣ: *Пристыженный мудрецъ*, еще срамиться . . . .

Пошелъ въ любви своей Темиръ онъ открыться.

Въ нѣсколько уроковъ, данныхъ до поѣздки на Лопатку и острова, дьячекъ прочиталъ только вступленіе въ исторію, распложая оное глупыми и надутыми фразами, въ которыхъ и заключалась вся его мудрость и ученость. Такимъ образомъ въ настоящій урокъ ему надлежало начать самую исторію. Положивъ предъ собою огромную книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ, и пригладивъ рукою волосы, онъ, наконецъ, отверзъ свои краснорѣчивыя уста. «Эта книга, сударыня, есть исторія церковная, гражданская и ученая, повѣствующая о началѣ, возвышеніи и упадкѣ монархій и царствъ; о царствованіяхъ, дѣяніяхъ и лѣтахъ жизни царей и императоровъ; дѣяніяхъ епископовъ и папъ римскихъ, отцевъ и учителей церковныхъ . . . .»

— Напрасно вы трудитесь, прочитывая это

— прервала Марія; — вѣдь вы мнѣ уже говорили, что принесете всеобщую исторію....

«Точно такъ-съ! — сказалъ нѣсколько смутившійся дьячекъ, который, прочитывая заглавіе книги, выигрывалъ только время, дабы собраться съ силами для начатія своего объясненія. — Точно такъ-съ! Но прежде, нежели я приступлю къ преподаванію сей книги, я долженъ, если вы не оскорбитесь моимъ откровеннымъ объясненіемъ....»

— Помилуйте! Ктожъ можетъ оскорбляться откровенностію, и особенно въ такомъ дѣлѣ! — отвѣчала Марія, не подозрѣвая настоящаго намѣренія со стороны своего наставника, и относя его къ настоящему занятію.

Эти слова, принятыя дьячкомъ въ выгодномъ для него смыслѣ, придали ему особенную бодрость, и онъ, собравъ весь запасъ затверженныхъ фразъ, рѣшился, наконецъ, высказать свою любовь безъ малѣйшей остановки.

«И такъ — сказалъ онъ внѣ себя отъ восторга — если вамъ откровенность моя не можетъ быть противна: то я осмѣливаюсь съ позволенія вашего сказать, что....»

Но въ эту минуту взмогъ протопопъ, и дьячекъ, остановленный на самомъ важномъ

пунктъ, совершенно растерялся и остался въ положеніи пораженнаго поралпчемъ, ничего не видя и не слыша.

— Продолжай, Степанычъ! — сказалъ протопопъ — Я тоже послушаю. Ну, что осмѣливался ты съ позволенія сказать?

«Богъ сотворилъ міръ» — продолжалъ разстроенный наставникъ, заикаясь и кашляя.

— Что ты, Господь съ тобою! сказалъ протопопъ. — Ужъ съ позволенія сказать: Богъ сотворилъ міръ! Какое тутъ дозволеніе?

При семъ ученица не могла удержаться отъ смѣха, и дабы не обидѣть учителя, захвативъ платкомъ ротъ, вышла проворно въ другую комнату, а вслѣдъ за ней и новый *пристыженный мудрецъ*, схвативъ шапку, выбѣжалъ опрометью изъ класса, и почти по инстинкту прибѣжалъ прямо въ квартиру фельдшера.

— Что, любезнѣйшій Климъ Степанычъ, такъ разстроенъ? Знать не пало удачи?—спросилъ сей послѣдній.

«Охъ, изверги, разбойники! Осрамилл, убили, зарѣзали!»

— Да что же они сдѣлали съ тобою?

«Охъ, дай отдохнуть!»

— Разругали что ли?

«Хуже! Лучше бы разругали?»

— Ужели поблп!

«Хуже!»

— Такъ что же такое? Я не могу догадаться!

«Надъ лекціею насмѣялся! — произнесъ дьячекъ съ самымъ отчаяннымъ воплемъ.

— А, вотъ что! Это въ самомъ дѣлѣ обидно и преобидно! Ну, такъ теперь остапавливаться ужъ не за чѣмъ? Прпсылай же вчерашнюю бумагу; мы поставимъ на своемъ. Давай руку!

«Вотъ тебѣ моя п рука п голова. Зарѣзывай ихъ всѣхъ безъ пощады, губи, рѣжь, жги, дѣлай съ ними что только можешь! Я столько огорченъ, обиженъ, озлобленъ, что не имѣю словъ, чтобъ выразить мои чувства, п могу сказать съ Цицерономъ: *id verbis exequi non possum!*»

— Хорошо, хорошо, Климъ Степапычъ! Успокойся! Мы исправимъ это дѣло, какъ нельзя лучше, п скорѣе потечетъ кверху *Паратунка*, чѣмъ кто нибудь, кромѣ тебя, женится на внучкѣ протопона!

«О! если ты устроишь это, то я, клянусь тебѣ, напишу въ честь твою такой панпгарикъ, какого не читали ни древніе, ни новѣйшіе, п какого не удалось написать п самому Пливію

Онъ передастъ имя твое позднѣйшимъ потомкамъ, и слава о тебѣ. . . .»

— Покорно благодарю, Климъ Степанычъ! Слишкомъ много трудиться предпринимаете. . . .

«Но я долженъ сказать тебѣ одно условіе, о которомъ я и прежде тебѣ говорилъ: и этого мошенника Зуду непременно должно включить въ общую категорію. Онъ осмѣлился насмѣхаться не только лично надо мною, но и надъ этимъ священнымъ языкомъ, на которомъ говорилъ Цицеронъ, Виргилій, Горацій, и проповѣдывалъ великій Сенека!»

— Ладно, ладно, Климъ Степанычъ! Спуска ни кому не дадимъ: будетъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, а покаместъ разопьемъ-ка, въ знакъ нашей вѣковѣчной дружбы, вотъ этотъ штофникъ всероссійскаго, такъ дѣло пойдетъ еще лучше, да и на сердцѣ будетъ повеселѣе!

«И то дѣло, Алексѣй Пантелѣевичъ! — говорилъ дьячекъ, принимаясь за стаканъ. — Я не прочь отъ этого! И правду сказать: что прежде времени отчаяваться? Мудрецъ смотритъ на конецъ — древняя пословица! Ахъ, я люблю древнихъ! Вотъ были истинные мудрецы! Напримѣръ: Діогенъ. . . . (какъ ты думаешь?). . . . даже деревянную чашку считалъ



роскошью, и пилъ горстью, и притомъ одну воду! Вотъ верхъ мудрости!»

— Ну, воду-то можно пить и горстью — замѣтилъ фельдшеръ, — а вотъ какъ, напримѣръ, водку, такъ, право, лучше изъ стаканчика. Опараживайте-ка поскорѣе, Климъ Степанычъ, да и я хлебну за ваше здоровье!

Такимъ образомъ дьячекъ, подобно весьма многимъ правоучителямъ, прославляя мудрость, пившую горстью одну воду, запивалъ проповѣдь свою полными стаканами вина, и едва могъ доплестись зикзаками до своей квартиры, между тѣмъ, какъ самому ему казалось, что ноги его не дотыкаются до земли, и что онъ летитъ весьма быстро по воздуху. Состояніе его духа было самое забавное: бессмысленная веселость и глупое равнодушіе ко всему житейскому и къ самой жизни, наполняли совершенно его душу. «А чортъ ихъ возьми совсѣмъ! — говорилъ онъ, повалившись на постелю. — Есть о чемъ думать! И Зуда, и протопопъ, и черти, и дьяволы — провалитесь они, окаянные! Удастся, такъ ладно, а и не удастся, такъ все равно! Мы не думаемъ ни о чемъ! Пусть этотъ, мошенникъ, фельдшеръ работаетъ, а я и думать не хочу, и не

ЧАСТЬ II. 4

думаю, и думать не стану! Inter querqum et betulam....

Дьячекъ запѣлъ во все горло на латинскомъ языкѣ известную русскую пѣсню: *Между дубомъ и березой рѣка протекала.*

Inter querqum et betulam  
Flumen promanavit,  
Flumen, flumen promanavit.  
Aqua frigidula.  
Nemo potest aqua bibi,  
Nec illam hauriri!

«Помогай Богъ! — сказалъ вошедшій въ сіе время въ квартиру дьячка человекъ высокаго роста съ сѣдою, какъ лунь, головою, но еще бодрый тѣломъ и свѣжій лицомъ, составлявшимъ сущую вывѣску житейской мудрости. — Помогай Богъ! славно, Климъ Степанычъ! Нечего сказать: мастерище! да еще и на латинскомъ діалектѣ....»

— А! это вы, Аркадій Петровичъ! — воскликнулъ дьячекъ пьянымъ голосомъ. — Это вы? Здравія желаемъ! садитесь, гости будете, а я такъ пьянъ сегодня, не осудите!

«Что осуждать, Климъ Степанычъ! этотъ грѣхъ и съ нами водится! Пойте-ка, я послушаю...»

— Не осудите, пожалуйста, не осудите, Аркадій Петровичъ!

«Да ужъ не осужу; пой, Клишь Степанычъ, пой!»

— Ну не осуди же!

«Пой, пой!»

Дьячекъ запѣлъ:

Apud virum senforem

Femina formosa;

Castigari negat uxor

Neque maculari!

Castigavit una hora

Flevit hebdomade!

— Что жъ это значить, Клишь Степанычъ?

«Это значить то, что билъ жену одинъ часъ, а плакалъ недѣлю.»

— Э! э! вотъ каково жениться! Не женитесь, Клишь Степанычъ! сушная бѣда! до-сыта наплачешься!

«Чортъ съ ними! Я думалъ, да и раздумалъ, да и передумалъ. . . .»

— А вѣдь болтали, Клишь Степанычъ, что вы кое-гдѣ присватывались, да чуть ли и къ внучкѣ отца Петра. . . .

«Анаема! трижды анаема и онъ, и она, и этотъ мичманишко, и этотъ Зудишко, и всѣ они.... Будь они прокляты отъ меня!»

— А за что же, Климъ Степанычъ, на Зуду-то ты прогнѣвался? Ужь, вѣрно, онъ не перебывалъ у тебя!

«Кто? Зуда? этотъ мошенникъ, Зуда? нѣтъ; -Завтра! не будь я дьячекъ Климъ Степановъ Шайдуровъ; если я не женюсь на этой дѣвчонкѣ! Она моя, моя! Это вѣрно такъ же, какъ и то, что я пьянъ сегодня!»

— Кто же и сумнѣвался въ этомъ, Климъ Степанычъ? Если ужъ за тебя не отдать, такъ за кого же?

«Да ужъ отдавай онъ, не отдавай, а я сдѣлаю по своему: я женюсь на его внучкѣ! Коли пошло на перекоръ, такъ я же упрямя! Я то сдѣлаю, что они всѣ на колѣняхъ будутъ просить меня: женись, батюшка Климъ Степановичъ, да еще, можетъ быть, я-то тогда заупрямлюсь!»

— Съ вашимъ умомъ, Климъ Степанычъ, все можно сдѣлать. Говорятъ же, что вода - де камень долбитъ, а чтобъ умный человекъ не могъ достигнуть чего желаетъ — вѣрять не хочу этому!

«Да ужъ что придумано мной, такъ пусть другой выдумаетъ!.....»

— Да кто же можетъ это выдумать? вѣтъ, Климъ Степанычъ, скажу вамъ безъ обиняковъ: много видалъ я людей на свѣтѣ, а умнѣе, братъ, тебя не видывалъ....

«То - то же! а этотъ старый плутъ, Зуда, осмѣлился смѣяться, когда я сказалъ ему объ этомъ! да ужъ я отсолю имъ всѣмъ! я имъ покажу, какво задѣвать не по силамъ! я ихъ всѣхъ упеку подъ судъ....»

— Да если правду сказать, такъ давно бы пора это сдѣлать, особенно съ мошенникомъ Зудою: онъ давно, говорятъ, поноситъ васъ, гдѣ только можно.

«Разбойникъ! Я дамъ ему! Я ему дамъ! Вотъ бумажка! Стоитъ только пустить въ ходъ — и дѣло съ концемъ! Тутъ все написано: какъ они бунтовали народъ; какъ учили не слушаться начальника; какъ... ну, слышь, все, да и полно!.... Все, все!»

— Да ужъ если вы сами, Климъ Степанычъ потрудились надъ нею, такъ, вѣрно, есть что почитать!

«И, конечно, самъ! Гдѣ жъ этому дураку фельдшеру?... Вѣдь онъ дуракъ, хоть началь-

никъ его и любить!... Вчера еще вздумалъ учить меня: ты де напиши такъ-то и такъ-то.... Нѣтъ, братъ, не тебѣ меня учить! Цицеронъ, Демосѣенъ — вотъ мои учителя!... Я взялъ перо, да и давай натать:»

«Его высокоблагородію начальнику Камчатки Антошу Григорьевичу Броникову Дьячка Клима Степанова Шайдурова покорнѣйшее донесеніе....»

Дьячекъ, дѣлая самыя глупыя и хвастливыя замѣчанія, останавливался почти на каждомъ словѣ, однако жъ дочиталъ отъ начала до конца свое донесеніе, въ которомъ онъ, якобы по долгу присяги и совѣсти, взводилъ на протопопа, мичмана и Зуду тѣ же самыя небылицы, какія были выдуманы бездѣльникомъ фельдшеромъ, и, въ заключеніе, спросилъ: каково?

— Прекрасно, Климъ Степанычъ, прекрасно! Лучше никто въ свѣтѣ не напишетъ! А что же вы медлите, не подадите этой бумажки? Пусть ее, да и все!

«Да вышь, я имѣю великодушное сердце; думалъ: авось опомнятся, да нѣтъ! Видно, судьба! Пусть же купаются! Завтра же пушу въ ходъ.... завтра, завтра! Полно имъ смѣяться надо мною, полно!...»

Долго еще болталъ дьячекъ, и наконецъ, закрывъ глаза, крѣпко заснулъ и захрапѣлъ, а незнакомецъ, пересмотрѣвъ разбросанныя на столѣ бумаги, нашелъ въ числѣ ихъ донесеніе дьячка, написанное вчернѣ, и выходя отъ него говорилъ: «Вотъ какіе умыслы! Такъ справедлива пословица, что молва въ народѣ ходитъ не по пустому, и въ каждой лжи есть нѣсколько правды. Вчера я думалъ, что Акета болтаетъ пустяки, и пошелъ только къ этому глупцу для опыта, а теперь вижу и въ самомъ дѣлѣ, что это правда. Надобно какъ-нибудь дать знать Зудѣ объ этихъ козняхъ! Ахъ, бѣдный ты товарищъ моеѣ ссылки! видно, люди еще не сыты нашею бѣдою; видно, ничто не утолитъ злобы ихъ: ни похищеніе всѣхъ надеждъ нашей молодости, ни наша горькая старость!»

---

## XII.

### КАМЧАДАЛЬСКОЕ УГОЩЕНИЕ.

---

Выведенный нами на сцену въ предыдущей главѣ незнакомецъ былъ несчастный *Ивашкинъ*, такъ же, какъ и протопопъ *Верещагинъ*, обратившій на себя вниманіе Англичанъ и Французовъ своею судьбою и благородствомъ души. Воспитываясь въ одномъ заведеніи съ *Зудю*, онъ былъ другомъ его съ самаго дѣтства, не смотря на разность характеровъ. Оба они равно любили правду и добродѣтель и ненавидѣли порокъ и ложь; но *Зуда* не умѣлъ удерживать порывовъ своего сердца, шелъ вездѣ грудью и выказывалъ свое мнѣніе напрямки, а, напро-



тивъ, *Ивашкинъ*, сохранявшій во всякомъ случаѣ болѣе равнодушія, не любилъ лѣзть добровольно въ опасность безъ пользы себѣ и другимъ, старался избѣгать ее, когда можно было сіе сдѣлать и, для достиженія своихъ цѣлей, особенно на пользу другихъ, не гнушался никакими средствами, если только можно было согласить ихъ съ правилами чести и справедливости.

Такимъ образомъ, выгѣдавъ у пьянаго дьяка свѣдѣніе объ опасности, угрожавшей Зудѣ, *Ивашкинъ* рѣшился, во что бы то ни стало, передать ему о семъ извѣстіе, совѣтуя предупредить бѣду удаленіемъ на острова или въ другое какое нибудь укромное мѣсто, доколѣ лучшая звѣзда не взойдетъ надъ Камчаткою: «ибо — прибавилъ онъ — хотя я и напередъ знаю, что по твоимъ правиламъ бѣгство отъ суда есть величайшій грѣхъ и преступленіе, но вспомни: *во-первыхъ*: что съ нами, лишенными уже гражданскихъ правъ, могутъ и за малѣйшую вину поступить самымъ жестокимъ образомъ; *а во-вторыхъ*: что судьи твои будутъ люди, не знающіе ни совѣсти, ни Бога, и на правосудіе которыхъ столь же мало можно надѣяться, какъ на вешній ледъ. Если начальникъ дотронулся бы до тебя и однимъ пальцемъ толь-

ко, то и тогда ты непременно провалился бы въ пропасть; а теперь онъ обѣими руками старается спехнуть туда, хотъ и не прямо тебя, но такихъ людей, съ которыми необходимо приведется и тебѣ погибнуть за компанію. Пожалѣй, мой старыи другъ, если не себя, такъ меня. Конечно, жить въ нодлунномъ мѣрѣ намъ осталось уже недолго; но все осиротѣть какъ-то не хочется, а послѣ тебя я совсѣмъ осиротѣю! Притомъ, другъ мой, подумай, что, скрывшись отъ злодѣевъ, ты ни мало не нарушишь обязанностей вѣрноподданнаго: ибо тебя осудить не Государыня, которая безъ вины и трости сокрушейной не преломитъ, но нарушители ея законовъ, обманщики и притѣснители, которыхъ мечъ ея, рано или поздно, но постигнетъ непременно, и, кажется, это время уже недалеко. Есть слухи, что нынѣшній пркутскій губернаторъ, *Кличка* — человекъ умный, правосудный и весьма заботливый о благѣ губерніи. Онъ навѣрно не допуститъ и нашу бѣдную Камчатку терпѣть долго зло, и постарается залечить поскорѣе ея раны. И такъ послушайся меня: укройся до времени отъ бури, а тамъ Богъ, Государыня и начальство защитятъ

тебя! Не упрямься и не увеличивай моего горя. Прощай!»

Но съ кѣмъ же переслать мнѣ это письмо? — спросилъ самъ себя Иванкинъ, окончивъ его. — Если оно попадетъ въ руки начальника: то меня живаго съѣдятъ!... Ахъ, постои!... Развѣ мнѣ угостить хорошенько Акета и, вмѣстѣ подарка, взять съ него слово отвезти это письмо!... Точно такъ!... Это дѣло я вздумалъ!... Ему хоть придется сдѣлать верстъ со сто лишнихъ, но невадо только жалѣть на ру и постараться такъ угостить его, чтобы онъ не-хотя далъ слово... Ахъ, кабы мнѣ удалось это сдѣлать!... Боже мой! помоги мнѣ тѣмъ или другимъ способомъ, но только бы спасти моего бѣднаго Зуду!...

Разсуждая такимъ образомъ, Иванкинъ приблизился къ юртѣ, гдѣ квартировалъ Акета. Акета былъ тоюю острожка, находившагося на рѣкѣ Камбалиной, и вовсе востребившагося во время заразы. Изъ словъ Иванкина, мы видимъ, что Акета, для заѣзду въ Кууюхченъ надлежало свернуть съ прямаго пути на большое разстояніе, и потому-то требовалось особенное стараніе, чтобы убѣдить его: дать на сіе свое слово; а слово дикаго Камчадала, въ

бесѣдѣ съ пріятелемъ вымолвленное, значить и донынѣ гораздо болѣе, нежели всѣ контракты, заключаемые между нашею просвѣщенною братією, по всѣмъ обрядамъ законнаго порядка.

Ивашкинъ, пригласивъ къ себѣ Акету, встопилъ баню жарчайшимъ образомъ и, по камчадальскому обычаю, посадилъ дорогаго гостя на самый полокъ. Тамъ были приготовлены для него: страшная чаша щербы (\*), ужаснѣйшая порція кислой, вонючей рыбы (самаго любимѣйшаго камчадальскаго кушанья) и цѣлая кадка толкуши. Сперва жаръ въ банѣ былъ еще не очень великъ, и Акета примѣтно этимъ обидѣлся: ибо сильный, нестерпимый жаръ для Камчадала есть первое угощеніе. «Другъ! — сказалъ онъ Ивашкину — ты поскупился, знать, на дрова: ужъ лучше бы не звалъ, коли жаль!»

— Не торопись, любезный! Покушай на здоровье, а мы вотъ по немногу будемъ поддавывать.... Ну каково теперь?

«Теперь нешто!»

— А вотъ мы еще поддадимъ разиковъ пять, такъ, авось, и поразогрѣешься!

---

(\*) Похлебка изъ соленой рыбы.

Послѣ сего хозяинъ началъ сдавать на камешку и угощать гостя самымъ прележнымъ образомъ; а гость, по правиламъ камчадальской учтивости, всѣми силами старался показать видъ, что жаръ еще не слишкомъ великъ и приготовленнаго кушанья еще не совсемъ достаточно. Верхъ камчадальскаго угощенія есть доведеніе, наконецъ, несытаго и недовольнаго гостя до признанія, что онъ не въ силахъ болѣе ни ѣсть, ни сносить жара: тогда угощеніе превращается уже въ пытку, и хозяинъ, не смотря на моленіе гостя, продолжаетъ его угощать дотолъ, пока не выпроситъ у него всѣхъ тѣхъ вещей, какія только онъ желаетъ у него оттягать. Къ этому-то и стремился Ивашкинъ, доводя жаръ банн до высочайшей степени температуры, такъ что и самъ не былъ уже въ состояніи сносить его, и продолжалъ сдавать, выйдя въ передбанникъ. Гость, наконецъ взмолился: «Другъ! спасибо, довольно! Не могу больше! Сытъ по горло, а жаръ ужъ глаза сжеть!»

— Э! полно, любезный! что это за жаръ! Такъ ли еще угощаютъ Русскіе! Вотъ еще корытцо кислой рыбки скушай, а мы между тѣмъ еще поддадимъ разнка два, три.

«Сдѣлай милость, другъ, перестань! Не мо-

гу больше! Проси, чего хочешь, все отдамъ, только выпусти вонъ! . . . .»

— Такъ и быть, выпущу: отвези письмо въ Кууюхченъ, и притомъ, чтобы здѣсь ни одинъ человѣкъ не зналъ объ немъ.

«Нѣтъ, другъ, далеко; проси, что другое, все дамъ, а этого не могу.»

— Не можешь? скушай же еще корытцо, а я еще парку прибавлю. . . . Ну каково теперь?

«Пожалуй-ста, другъ, перестань! выпусти: всѣхъ собакъ хорошихъ отдамъ; отдамъ парку бобровую, да въ придачу десять соболей, да пятокъ лисицъ. . . .»

— Ничего не надобно, любезный! Я прошу одного. Опрастывай корытцо-то, а я еще разокъ *лену* (\*) на каменку. . . .»

«Ой, другъ, перестань! Выпусти, на все согласенъ!»

— Такъ отвезешь письмо? . . .»

«Отвезу, другъ, отвезу!»

— И здѣсь никому не скажешь? . . .»

«Никому, никому, ни одной собакѣ! пусть меня съѣдятъ медвѣди, или злой духъ удушить, когда поѣду мимо его дерева, или. . . .»

---

(\*) Подолью.

— Ладно, не клянись, я и слову твоему вѣрю. А выѣдешь ли завтра по-утру чѣмъ свѣтъ?...

«Выѣду, когда хочешь, только выпусти!.... Ой, тошнехонько!»

— Ну, такъ и быть, вылѣзай!

Такимъ образомъ кончилось угощеніе, и гость еле живой вылѣзъ, наконецъ, изъ бани, и полумертвый палъ на снѣгъ.

«Ну другъ! — сказалъ онъ нѣсколько опомнившись — славно угостилъ, нечего сказать! Скажу тебѣ, другъ, правду: и нашему брату Камчадалу врядъ ли удастся такъ уподчивать; чудо какъ угостилъ!»

— Ну я радъ, Акета, что ты доволенъ. Вѣдь мы съ тобой старые знакомые, такъ и стыдно было бы, когда бы ты не доволенъ остался....

Назавтра Ивашкинъ еще прежде разсвѣта явился къ Акетѣ и, отдавая ему письмо сказалъ: на же тебѣ письмо, да поѣзжай съ Богомъ, а на прощеньи выпей-ка вотъ этотъ стаканчикъ водки, да вотъ еще на дорогу небольшая фляжка. Больше нѣтъ, не осуди!

«Спасибо, спасибо, другъ! Доволенъ тобою такъ, что не только за сто, за тысячу верстъ посьмай — поѣду, да и по дорогѣ всѣмъ

буду хвастать: вотъ-де какъ угощаютъ Русскіе!»

— Ладно, рассказывай; только о письмѣ-то надо молчать . . .

«Ужъ скажу ли я, коли далъ слово; умру скорѣ!»

— Хорошо, хорошо! . . . Ну, пора, отправляйся!

«Я бы сейчасъ, только не знаю, что долго пойдутъ мои родовичи . . . .»

— А вотъ и они — сказалъ Ивашкинъ, — легки на поминѣ! . . . . Что вы замѣшкались, ребята? на-те-ка выпейте тоже на дорогу по стаканчику, да и ступайте проворнѣе . . . .

«Спасибо, бачка! сейчасъ поѣдемъ: мы готовы.»

Родовичи Акеты были извѣстные уже намъ два Камчадала: Лемшинга и Камакъ, провожавшіе протопопа Верещагина, и возвращавшіеся назадъ на рѣку Камбалину.

Распощавшись съ Ивашкинымъ, Камчадалы сѣли каждой въ особой шажедѣ, и на самомъ разсвѣтѣ гусемъ отправляясь по пустынь, покрытой глубокомъ снѣгомъ, на которомъ извивалась едва замѣтная тропинка.

Ивашкинъ, по чувству опасенія и осторож-



ности, проводилъ ихъ далеко за острожекъ и смотрѣлъ въ слѣдъ за ними, пока караванъ не завернулся за лѣсъ, и не исчезли въ дали раздававшіеся по дебри дикіе возгласы: хугъ хугъ! кахъ, кахъ!

Проѣхавши цѣлый день, Камчадалы были къ вечеру уже версть за сто отъ Петропавловска. Они ѣхали не по проторенной дорогѣ, но только по пзвѣстной однимъ имъ, какъ стариннымъ хозяевамъ дома, которымъ въ родномъ пепелищѣ свѣдома съ дѣтства каждая вещь и каждый уголокъ. Въѣхавъ въ средину хребтовъ, проходящихъ вдоль по Камчаткѣ съ юга на сѣверъ, они встрѣтили тамъ ужаснѣйшій сорока-градусный морозъ, отъ котораго воздухъ, стоя неподвижно и сгустившись какъ туманъ, захватывалъ дыханіе. На Камчадалахъ отъ теплоты, выходящей изъ рта, и походившей на густой дымъ, все обледенѣло: и брови, и усы, и борода, и куклянка. Морозъ проникалъ до костей и съ величайшею злобою, такъ сказать, выжималъ душу изъ тѣла; но Камчадалы, не разъ уже борившіеся съ его яростію, ѣхали довольно спокойно, и только изрѣдка вскакивали съ шежедовъ и бѣжали бѣгомъ. Между тѣмъ въ дебряхъ была совершенная тишина: ни ды-

ханіе вѣтра не колыхало обвиневѣвшія вѣтви деревьевъ, ни звѣрь не пробѣгалъ по лѣсу, ни птица не пролетала по воздуху; даже вороны, эти воспитанницы зимы и сѣвера, едва взмахнувши крылами, падали мертвыя, пораженныя стужею. Одни Камчадалы были живыя существа, противившіяся ея нападениамъ, но наконецъ и они рѣшились остановиться и раскласть огонь. Сѣвши около костра, они вынули свой скудный обѣдъ, по куску юколы, и раскупорили флягу, которая въ сіе время была мѣлѣ для нихъ всѣхъ благъ во вселенной. Но что же? къ величайшему огорченію ихъ, вино не текло изъ отверстія, и должно было имѣть самое великодушное терпѣніе, дабы дождаться, пока мѣлѣ оно растаетъ. Въ вознагражденіе за сіе Камчадалы выпили на сей разъ, противъ обыкновеннаго, тройную порцію, и особенно *Акета* дотолѣ лобызался съ флягою, доколѣ не встоицалась въ ней послѣдняя капля привязанности. Наконецъ, кончивъ обѣдъ и накормивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и собакъ, путешественники пустились на рѣку, пробиравшуюся между страшныхъ утесовъ, или, по-сибирски: *щекъ*, нависшихъ надъ водою, и верхи которыхъ были покрыты гро-

мадами *куржевины* (\*), могушей, при малѣйшемъ сотрясеніи воздуха, обрушиться и завалить навсегда несчастныхъ проѣзжихъ. По сей причинѣ между сихъ щекъ благоразумные путешественники проѣзжаютъ обыкновенно съ величайшимъ молчаніемъ и осторожностію; но не таковы были на сей разъ нзши Камчадалы, восторженные краснорѣчіемъ фляги. Двое изъ нихъ завели между собою споръ.

— Вѣдь, кажись, съ этого утеса — спросилъ Камакъ — бросился тотъ парень?....

«Какой?»

— Ну тотъ, что, говорятъ, сватался-де у тоіона Кушуги на дочери, да Кушуга просилъ у него въ подарокъ собачей парки, а онъ, сколько ни работалъ, никакъ-де собачей парки достать не могъ, а досталъ только бобровую, да лисью; и вотъ-де Кушуга ему отказалъ, а онъ съ горя пошелъ да и бросился....

«Да, вспомнилъ! только нѣтъ, не съ этого, а вонъ съ того, что на поворотѣ-то направо...»

— А мнѣ такъ сказывали, что съ этого?

«Ты говори: я не знаю!»

— Да видимо, что не знаешь!

«А ты что ли знаешь?»

---

(\*) Куржевина—иной.

— Да знать, что такъ!

«Ахъ ты, свуча, тебѣ знать!»

— Смотри, Лемшинга, не лайся: я те ошто-ломъ ошоломлю, такъ и все позабудешь....

«Попробуй-ка: такъ у самого въ глазахъ за-вертится. Я те ни кто другой!»

— Да и я тоже! вишь на олуха натагался!

«Молчи же, докуда я те въ самомъ дѣлѣ не обломалъ ребры!»

— Свои-то побереги!

Въ продолженіе этой ссоры, Акета, ѣхавшій за нѣсколько сажень впереди, былъ со всѣмъ въ иномъ расположеніи духа. Воображеніе его, разгоряченное водкою, живо представило ему прошедшее. Онъ раздумался о разныхъ огорченіяхъ, встрѣчавшихся въ его жизни: какъ нѣкогда убѣжала у него изъ-подъ самыхъ рукъ нопавшаяся въ *слѣпцы* (\*) лисица; какъ унесло однажды приливомъ моря байдару съ берега; какъ медвѣдь, подкравшись въ одно время къ балагану, поѣлъ всю дотла сушившуюся тамъ рыбу и проч. и проч. Всѣ несчастія его были для насъ чрезвычайно смѣшны и забавны; но у всякаго свое горе. Наконецъ, въ самомъ дѣ-

---

(\*) Ловушка.

лѣ вспало ему на умъ горе немалое: потеря жены, незадолго предъ тѣмъ умершей и горячю имъ любимой, и, въ горькомъ раздумьи, онъ затянулъ унылую пѣсню:

Какъ не гадало-то, не дуmano,  
Что пришла бѣда со всего свѣта:  
Потерялъ-то я жену-душечку!  
Какъ со той бѣлы, со кручинушки,  
Пойду въ темный лѣсъ добрый молодець,  
Стану драть и ѣсть кору съ дерева.  
И еще проснусь я ранешенко,  
До восхода-то красна солнышка,  
Погоню ли я, добрый молодець,  
Аангичь — утку на синем море,  
И въ слезахъ взгляну на всѣ стороны:  
Не найдется ли моя милая,  
Моя милая жена, душечка.... (\*)

Пѣвши эту пѣсню, камчадалъ въ самомъ дѣлѣ плакалъ горько: къ чему пьяные бываютъ, какъ извѣстно, особенно способны; но вскорѣ потомъ воображеніе его представило другія картины, и онъ запѣлъ во все горло:

---

(\*) Настоящая камчатская пѣсня, переведенная съ камчадальскаго языка.

«Типсаинку Фровантахъ....»

По несчастію, въ то же время увеличился и крикъ ссорившихся, вовсе забывшихъ о заповѣдномъ безмолвіи страшнаго мѣста, по которому они проѣзжали. Вдругъ ужасный шумъ начался надъ ихъ головами. Они взглянули кверху, и съ невообразимымъ ужасомъ увидѣли, что страшная лавина отдѣлялась понемногу отъ утеса и медленно наклонялась на нихъ. Пагубный хмѣль ихъ прошелъ мгновенно и волосы встали отъ страха на головѣ. Оставалось одно мгновение на что нибудь рѣшиться: оно пролетѣло въ изумленіи — и быстрая струя мелкаго снѣга полплаась на несчастныхъ въ предвѣстіе смерти. «Гибнемъ!» — вскричали они въ одинъ голосъ, поднявъ по инстинкту руки свои кверху, какъ бы желая удержать страшную громаду, на нихъ обрушавшуюся. — «Гибнемъ!» Но голоса ихъ никто, ни даже сами они, не могли уже услышать: ибо въ сіе мгновение куржевина рухнула, и погребла ихъ подъ своею массою.

Спустя послѣ сего несчастія два или три дня, наѣхалъ на упавшую лавину новый караванъ, которому иначе нельзя было проѣхать, какъ прежде разгрести снѣгъ. Въ семь караванѣ замѣтна была, повидимому, главная особа—

человѣкъ небольшого роста, величаво выступавшій самыми твердыми стопами и грозно распоряжавшій работою съ величайшимъ крикомъ и бранью.

«Ахъ, вы, изверги! едва шевелитесь! Проворнѣ!»

— Да помилуйте, Петръ Федоровичъ — сказалъ одинъ изъ работающихъ — вѣдь изволите видѣть: и то стараемся, да руки окостенѣли!

«Ты еще говорить началъ! Твое дѣло копать, а не разглагольствовать. Вы испотачены, изверги! Подай-ка сюда лопату! Вотъ какъ надо, видишь?.... Ба! Это что такое? Оштоль? Такъ и есть! Смотри, что тутъ кто-нибудь за давленъ! Копайте-ка на этомъ мѣстѣ проворнѣ!»

Казакъ и Камчадалы, составлявшіе свиту Петра Федоровича, т. е. почтеннаго секретаря Погремушкина, пробравшагося въ Кууюхченъ на слѣдствіе, начали разгребать снѣгъ самымъ усерднымъ образомъ, и первый открытый ими мертвецъ былъ — *Акета*. Погремушкинъ, сколько правдолюбивый, столько же и человѣколюбивый, принялъ-было немедленно мѣры къ спасенію его жизни, и велѣлъ оттирать его снѣгомъ; но

когда сталъ раздѣвать замерзшаго и нашли у него подъ куклянку на груди письмо, и когда Погремушкинъ узналъ онаго содержаніе, то самое справедливое негодованіе овладѣло его душою, и онъ вскричалъ въ бѣшенствѣ: «Ахъ онъ воръ! Ахъ, онъ мошенникъ! бросьте его, бѣстію! пусть его околѣваетъ! онъ разбойникъ! измѣнникъ! Всѣ въ заговорѣ! всѣ въ комплотѣ противъ начальства! и этотъ старый лпса Ивашкинъ тутъ же поднялся! Добро вы всѣ, мошенники! всѣхъ васъ въ дребезги, да и дѣлу конецъ!»

Свита Погремушкина, не понимая ни одного слова изъ сего грознаго монолога, стояла вокругъ своего повелителя, вытаращивъ глаза и опустивъ руки. Наконецъ, онъ вскрикнулъ на нихъ: «Что вы, шельмы, выпучили на меня глаза? что вы не работаете? что вы стоите?... «Оторопѣвшая свита опять принялась разгребать снѣгъ, а начальникъ ея, выбравъ между тѣмъ расторопнѣйшаго казака, тотчасъ отправилъ его съ отысканнымъ письмомъ къ начальнику, примолвивъ: «Послушай Горбуновъ! хотя это письмо и не запечатано, но если, кромѣ начальника, прочтаетъ его кто другой, то ты головой своей за это отвѣчать будешь.» Казакъ



далъ твердое увѣреніе, что исполнить приказаніе въ точности, и немедленно отправился, а вскорѣ послѣ сего и весь караванъ, очистивъ себѣ путь, пустился далѣе, имѣя посреди шехедъ Погремушкина, который, разсуждая надосугѣ о найденномъ имъ письмѣ, благословлялъ Небо, доставившее ему столь прекрасный случай отличиться предъ начальникомъ и разрушить составленный противъ него комplotъ.



## ХІІІ.

### ВЕЛИКОДУШІЕ.



Спустя два дня по отъѣздѣ Акеты, рано поутру, закинувъ за плеча впитовку и подвязавъ лыжи, Ивашкинъ отправился изъ Петропавловска на звѣрный промыселъ, сперва бывшій для него необходимымъ средствомъ для пропитанія, а потомъ уже обратившійся въ страсть. Особенно любилъ онъ преслѣдовать лисицъ, которыхъ забавная хитрость доставляла ему величайшее удовольствіе. Но кстати замѣтимъ, что, до прибытія Русскихъ въ Камчатку, и самыя лисицы сохраняли патріархальную простоту нравовъ, и нерѣдко стаями выходили изъ лѣсу,

дабы дружески раздѣлять трапезу съ собаками; такъ что негостепримный Камчадалъ долженъ былъ отгонять ихъ отъ корма палкою, и могъ ловить ихъ руками. Но во время Ивашкина нравы лисицъ уже совершенно развратились, и онъ, сколь ни былъ искусенъ и опытенъ въ ловлѣ ихъ, однако жъ двѣ зныи сряду ходилъ за одною сводушкою, которая самымъ искуснымъ образомъ вытаскивала приманку изъ ловушекъ, и уходила отъ нихъ цѣла и невредима. Наконецъ Ивашкинъ, въ настоящемъ своемъ путешествіи, подкараулилъ ее на семь злодѣйскомъ умыслѣ, и прицѣлясь изъ винтовки, уже приговорилъ-было ее къ смерти, какъ вдругъ раздался по лѣсу крикъ: какъ, какъ! хугъ, хугъ! Преступница встрепенулась и снова пропала изъ глазъ мстителя. Ивашкинъ, положивъ съ досадою ружье на плечо, пошелъ на гуль, ворча сквозь зубы: «что тамъ за чортъ закудахталъ? Словно нарочно, чтобы спугнуть эту проклятую!... Ба, это ты, Горбуновъ! — сказалъ онъ, выйдя изъ лѣсу. — Откуда это тебя несетъ нелегкая? Типунъ бы тебѣ на языкъ! только лисицу испугалъ у меня.»

— Что ты?

«Я лишь приложился, да хотѣлъ спустить курокъ, какъ ты гаркнешь, а лица и была такова!»

— Что жъ дѣлать, братина? Извини! не даромъ говорится: кабы зналъ, гдѣ упадешь, такъ подостлалъ бы соломы, а то, вѣдь, сквозь лѣсъ-то не видно....

«Ну, ужъ что сдѣлано, то сдѣлано: теперь не воротись! А скажи-ка мнѣ лучше: ты-то отъ чего воротился?»

— Послали, такъ и воротился: наше дѣло подначальное.

«Да, вѣдь вы, чай, не успѣли и доѣхать еще до мѣста?»

— Какое тебѣ до мѣста! и полдороги еще не проѣхали!

«Что же такъ?»

— Да, вишь, чортъ сбросилъ съ утеса кружевину. Слышь: цѣлый день *деньской* разгребали, да когда и я поѣхалъ, то еще наши ребята возились надъ нею....

«А ни кого не нашли въ снѣгу?» — спросилъ Ивашкинъ съ заботливостію.

— Какъ же! я только хотѣлъ сказать, что нашли того камчадала.... какъ бншь его зовутъ?... ну, слышь, того, котораго, сказыв-

ваютъ, ты передъ отъѣздомъ порядкомъ отжарилъ на полкѣ?

«Боже мой! ужели Акету?»

— Да, да, Акету....

«Что же вы съ нимъ сдѣлали?»

— Да Петръ Ѳедоровичъ, слышь, велѣлъ его оттирать снѣгомъ. Вотъ мы стали раздѣвать его, глядь: у него за пазухой письмо. Петръ Ѳедоровичъ, когда прочиталъ его, такъ, слышь, осердчалъ, словно чортъ, да и велѣлъ камчадала опять бросить, какъ собаку, на прежнее мѣсто, а меня послалъ съ этимъ письмомъ къ начальнику...

Слушая сіе, Ивашкинъ перемѣнился въ лицѣ! но, какъ давно знакомый съ бѣдами, скоро оправился, такъ что простодушный казакъ не могъ замѣтить сей перемѣны.

«А что же это за письмо?—спросилъ Ивашкинъ, желая скрыть обладающее имъ чувство.— Нельзя ли показать?»

— Нѣтъ, братина, нельзя: крѣпко-накрѣпко заказано.

«Ну нельзя, такъ не кажи! Богъ съ тобой!»

Вскорѣ послѣ сего разговора, Ивашкинъ распрощался съ казакомъ, снова углубился въ лѣсъ, и выйдя потомъ на знакомую падь, бы-

стро понесся на лыжахъ, выбирая самый краткій обратный путь; наконецъ, проходя по покатости одной горы, откуда были видны вдали хижины Петропавловска, онъ, устремя на него неподвижный взоръ, вдругъ остановился. «Боже мой! куда я иду?— говорилъ онъ, прерывая изрѣдка вырывавшіяся слова продолжительными думамъ. — Что тамъ будетъ со мною? Какую чашу приготовила еще для меня судьба? Что мнѣ дѣлать? на что рѣшиться?... А почему же не такъ? Почему же, въ самомъ дѣлѣ, не спасать мнѣ себя, когда я могу это сдѣлать? Почему не бѣжать мнѣотъ бѣды, когда я могу уйти туда, гдѣ никакая человѣческая злоба не найдетъ меня?... Точно такъ! я могу и, слѣдовательно, долженъ это сдѣлать! эти горы, эти лѣса и дѣбри сорокъ лѣтъ уже знакомы мнѣ, и они дадутъ мнѣ уголокъ, чтобы провести малый остатокъ моей жизни; а руки мои, благодаря моей нищетѣ, давно научились прокармливать меня безъ помощи мнѣ подобныхъ?... Такъ пойду же, прошусь навсегда съ этимъ ненавистнымъ родомъ, называющемся людьми, и пощу убѣжища посреди бѣдныхъ животныхъ, которыхъ они какъ бы въ насмѣшку, величаютъ кровожадными. Прощайте люди!» Онъ успѣшно повернулъ

въ гору, и быстро началъ входить наверхъ, но потомъ вдругъ опять остановился. «А ты, другъ моей юности! ты какъ останешься? что съ тобою будетъ? тебѣ кто поможетъ, когда изверги будутъ терзать тебя?... Ахъ горе!... Нѣтъ, сколько ни думаю, не могу оставить его! Такъ и быть: мы страдали вмѣстѣ, вмѣстѣ и умремъ, если не будемъ въ силахъ перенести мученій, и если не удастся.... А какъ знать?... можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ еще я найду случай спасти его!... Пойдемъ, отважимъ жизнь!... Что я говорю?... она уже протекла, а оставшаяся капля стоитъ ли уже того, чтобы беречь ее для себя? Прольемъ ее для другихъ, если будетъ нужно, и счетъ мой съ людьми будетъ конченъ!»

Исполненный сего благороднаго самоотверженія, Ивашкинъ спустился съ горы и поспѣшно пошелъ къ Петропавловску. Тогда былъ часъ седьмой вечера. Солнце давно уже сѣло за горизонтъ, и самая заря погасала на вершинахъ горъ. Пользуясь темнотою, Ивашкинъ осторожно подошелъ къ своей квартирѣ, но не вошелъ въ нее, услышавъ многіе знакомые ему голоса казаковъ, по видимому, производившихъ самый тщательный обыскъ по всѣмъ угламъ и закоул-

камь дома. «Странное дѣло! — думалъ онъ. — Съ какимъ безпокойствомъ ищутъ люди бѣднаго старичишку, чтобы еще потѣшиться надъ его страданіемъ! Напрасныя хлопоты! Я самъ приду въ ваши руки, коль скоро сочту это нужнымъ, а теперъ воспользуемся пока послѣдними минутами свободы, если она есть у несчастныхъ!» Легкій вздохъ, невольно вырвавшійся изъ груди его при семъ словѣ, былъ замѣченъ находившимися подлѣ дома въ засадѣ караульнымъ. «Здѣсь!» — закричалъ сей послѣдній. Толпа казаковъ бросилась изъ избы; но Ивашкинъ успѣлъ скрыться отъ ихъ преслѣдованій, и наконецъ ускользнулъ въ ворота стоявшаго по пути протопопскаго дома.

Въ сіе время протопопъ, не подозрѣвая сбиравшейся надъ головою его грозы, весело сидѣлъ за чаемъ съ Марією и ея женихомъ. «А! добро пожаловать, Аркадій Петровичъ! — сказалъ онъ вошедшему въ комнату Ивашкину. — Давно я не видалъ тебя! Каково поживаешь? Что подѣливаешь? Садись-ка, да побесѣдуй съ нами!... Машенька! налей-ка чашечку.... Садись, Аркадій Петровичъ! не спѣсивься! Да что ты, Господь съ тобой! озираешься, словно боишься чего? Ужъ здоровъ ли ты?...»



— Здоровъ, здоровъ, отецъ Петръ! — говорилъ Ивашкинъ наскоро и самымъ тихимъ голосомъ, затворяя между-тѣмъ дверь на крючекъ.

«Да что ты дѣлаешь? Богъ съ тобой; дверь-ту для чего запираешь?»

— Отецъ Петръ! — сказалъ Ивашкинъ значительнымъ тономъ — я знаю, что дѣти ваши мнѣ не измѣнятъ, тѣмъ болѣе, что бѣда угрожаетъ равно всѣмъ намъ....

«Боже мой! что за бѣда?» — торопливо спросила испугавшаяся Марія.

— За мною гонятся, отецъ Петръ!

«Кто и за что?»

— Отецъ Петръ! вы знаете эту руку? — спросилъ Ивашкинъ, вынувъ изъ-за пазухи донесеніе дьячка.

«Это рука Степапыча!» — отвѣчалъ протопопъ, взглянувъ на рукопись.

— Прочтайте, и вы все узнаете!

«Что за клевета! Что за злоба! — сказалъ протопопъ, прочтавъ донесеніе и отдавая его мичману. — На, прочтай и ты, Викторъ Ивановичъ! Тутъ насъ всѣхъ очернили! Но я не вижу — примолвилъ протопопъ, обратившись къ Ивашкину — чтсбы ты былъ примѣшанъ тутъ?»

Ивашкинъ разсказалъ все описанное выше, начиная съ разговора съ дьячкомъ. Протопопъ, выслушавъ его, сказалъ съ величайшею горестию: «Ахъ, Аркадій Петровчъ! скажу тебѣ, братъ, отъ сердца (Господь видитъ мою душу!): жалѣю я Виктора Ивановича, жалѣю Зуду, жалѣю тебя; но вы всѣ тутъ правы и — Господь, защитникъ правыхъ, защититъ васъ: я твердо увѣренъ въ томъ! О себѣ же не говорю ничего: *благо ми, яко смирилъ мя еси!* Но истинно, скажу тебѣ, истинно сожалѣю объ этомъ погибшемъ Шайдуровѣ: онъ губитъ навсегда свою душу.»

— Еще хорошо было бы, если бы онъ губилъ только одну свою душу — возразилъ Ивашкинъ, — а то вѣдь онъ и насъ губитъ вмѣстѣ съ собою; теперь и намъ надобно подумать, какъ спастись отъ гибели. Не напишете ли вы къ преосвященному? На дняхъ отправляется въ Иркутскъ купецъ Саламатовъ: онъ бы, вѣрно, взялся отвезти отъ васъ грамотку....

«Но какъ онъ можетъ это сдѣлать — сказалъ протопопъ, — когда всякаго отъѣзжающаго строго обыскиваютъ?»

Да ужъ коли Саламатовъ только возьмется, такъ сдѣлаетъ! Это такой человекъ, отецъ

Петръ, что на одной минутѣ десять разъ проведетъ насъ, грѣшныхъ... Чу! стучать!

Сильные удары въ дверь раздалсь въ комнатѣ.

Въ сіе время Марія, то вслушивавшаяся въ продолжавшійся предъ нею разговоръ, то съ нетерпѣніемъ разглядывавшая бумагу, которую мичманъ старался отъ нея скрывать, уже готова была, по своеволю, свойственному въ подобныхъ случаяхъ всѣмъ женщинамъ, ее вырвать, какъ раздавшійся стукъ вдругъ остановилъ уже протянутую руку.

«Дѣдушка! — вскричала она въ испугѣ, — спасайтесь, ради Бога, спатайтесь!»

— Не бойтесь: это за мною! — сказалъ Ивакинъ съ величайшимъ хладнокровіемъ. — Тшше! Иду!» — примолвилъ онъ, вставая со стула.

«Проворнѣе пошевеливайся!» — раздался за дверью грубый голосъ.

— Сейчасъ!

«Нѣтъ я не пущу васъ! — вскричала Марія, ухватясь за его полу. — Скажите мнѣ прежде, что они хотятъ съ вами сдѣлать?» —

— Ничего, Марія Алексѣевна! ни болѣе ни менѣе, какъ на первый разъ засадитъ въ тюрьму...

«Въ тюрьму? Боже мой! я не пушчу васъ! Викторъ! помоги мнѣ удержать этого несчастнаго!»

Пылкой мичманъ, волнуемый не менѣе Маріи самымъ живымъ участіемъ, также бросился, чтобы удержать Ивашкина.

— Что вы это дѣлаете, дѣти мои милыя? — сказалъ протопопъ. — Я столько же, какъ вы, ронуть положеніемъ Аркадія Петровича, но этимъ нельзя помочь: на все есть свой порядокъ. Власть, какова бы она ни была, все власть, и противиться ей грѣшно...

«Но они заморятъ его въ тюрьмѣ, дѣдушка!» — вскричала Марія.

— Ну, Господь милостивъ! — отвѣчалъ протопопъ съ притворнымъ равнодушіемъ: — Онъ не дастъ въ обиду невиннаго, и ты знаешь, что безъ Его воли и волосъ не спадетъ съ головы нашей....

«О Боже мой! — воскликнула Марія съ чувствованіемъ самой живой горести. — Такъ и быть: подите! но я сей же часъ побѣгу къ своей благодѣтельницѣ, паду ей въ ноги и буду просить ее со слезами, чтобы она заступилась за васъ....»

— Благодарю тебя, ангель небесный! — сказалъ Ивашкинъ, напрасно стараясь скрыть потекшія изъ глазъ его слезы. — Ты оживила въ груди моей давно обмершее сердце — сердце, которое давно уже не билось такъ сладко, какъ теперь, потому что давно уже не встрѣчало существа, которое приняло бы такое участіе въ его страдаціяхъ!... О, какъ я давно не плакалъ! Эти пустыни еще не видали слезъ моихъ, а теперь я плачу, какъ ребенокъ!... Но пора!... Прощайте!...

«Остановись, старикъ! — вскричалъ глубоко-растроганный мичманъ, схватившись за саблю. — Остановись! Дай прежде поговорить мнѣ съ этими негодяями! Клянусь Богомъ: я искрошу ихъ прежде всѣхъ въ куски, чѣмъ они дотронутся до одного твоего волоса!»

Мнѣ кажется, дѣти мои! — сказалъ Ивашкинъ, залывшись слезами — (простите меня, что я такъ называю васъ!) мнѣ кажется, вы хотите уморить меня вашимъ участіемъ.... Нѣтъ, это ужъ слишкомъ для старика! жизнь моя уже такихъ хлопотъ не стоитъ: она не долга!... Оставьте меня моей судьбѣ, Викторъ Ивановичъ, и не подавайте злодѣямъ на себя пожъ: малѣйшее насиліе со стороны вашей будетъ для

нихъ радостно. Притомъ еще не все потеряно: есть Богъ, есть Государыня, есть законъ: рано или поздно, но правда восторжествуетъ. Пустите меня!

Слова сии, произнесенныя съ видомъ возвышенной торжественности, всегда сопровождающей великодушную рѣшительность, остановили и изумили пылкого юношу. Равнымъ образомъ чувствоваиe удивленiя было написано и на лицахъ протопопа и Марiи. Всѣ они, молча, вставались въ одномъ и томъ же положенiи, пока крики безумной радости, изъясляемой сыщиками, удаляясь мало-по-малу, не слились съ шумомъ бушевавшаго вѣтра.

«Дѣдушка, любезный дѣдушка! — воскликнула Марiя, выйдя наконецъ изъ состоянiя изумленiя — ради Бога, скажите мнѣ: неужели и съ вами и съ Викторомъ осмѣлятся сдѣлать то же?»

— Не лзя ручаться, моя милая, за людей, которые, не страшась ни Бога, ни Государыни, дѣйствуютъ только по своимъ видамъ. Мы теперь оклеветаны, и Богъ вѣсть, чѣмъ окончится это дѣло....

«И неужели и васъ и Виктора, также могутъ посадить въ тюрьму?»

— Все можетъ статься, дитя мое; но Госнодь можетъ отвратить всякую бурю.

«О Госноди! — воскликнула Марія, схлѣпнувъ руками — спаси насъ и защити!»

— Не надо отчаяваться, Марія! — сказалъ твердымъ голосомъ мичманъ, ходивши между тѣмъ, съ глубокою думою на лицѣ, большими шагами по комнатѣ. — Неужели — прибавилъ онъ, болѣе разсуждая самъ съ собою, нежели продолжая разговоръ — неужели изверги, мошенники и клеветники могутъ оставаться безъ наказанія въ благоустроенномъ государствѣ? Нѣтъ, этого быть не можетъ! Я обнаружу, я раскрою всѣ ихъ козни; я опишу всѣ ихъ мошенничества и злоупотребленія! Если до сихъ поръ всѣ доносы на нихъ оставались безъ вниманія, то я надѣюсь, что мое донесеніе будетъ, по крайней мѣрѣ, уважено. При Намѣстникѣ служить мой другъ, съ которымъ мы вѣстѣ выросли, которому совершенно извѣстны мои чувствованія, мои правила....

«Конечно, Викторъ Ивановичъ — прервалъ протопопъ — вы не худо сдѣлаете, если будете просить его за васъ заступиться: одного донесенія не достаточно. Много ихъ было послано отсюда, да всѣ получили одинъ конецъ: сю-

да же и пришлютъ, а тутъ ужъ бѣдный доносчикъ и мѣста не найдетъ, куда головы преклонить. Всѣ отъ него, словно отъ чумы, бѣгаютъ, такъ, что квартиры не дасть никто....»

— Ахъ! если бы все это знала Государыня! — воскликнулъ мичманъ.

«Ужъ, конечно, какъ бы она все это знала, наша матушка: то не то бы и было!»

— Она узнаетъ объ этомъ! — говорилъ мичманъ съ жаромъ; — непременно узнаетъ!..

«И я не осуждаю намѣренія твоего, Викторъ Ивановичъ: ибо грѣхъ противиться власти, но нѣтъ грѣха увѣдомлять отца или мать о страданіяхъ, причиняемыхъ дѣтямъ ихъ наемникамъ!»

— Но не лучше ли прежде — сказала Марія — идти мнѣ и просить мою благодѣтельницу, чтобы она защитила насъ? Она, вѣрно, тронется моею горестію и слезами....

«Дитя мое! — отвѣчалъ протопопъ — ты судишь о другихъ по себѣ. Ольга Павловна, конечно, не откажется принять въ насъ искренняго участія; но если начальникъ самъ хочетъ устроить намъ гибель, по клеветѣ фельдшера: то тутъ ужъ ни чья защита не дѣйствительна, и только можно будетъ ожидать одного,



что онъ строже станетъ обыскивать Саламатова, опасаясь со стороны нашей доноса.»

— Такъ, по крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ, дѣдушка, пойти и просить за Аркадія Петровича, чтобы хотя сколько-нибудь облегчили его участь.

«Это дѣло другое! Поди моя милая! и да поможетъ тебѣ Господь въ твоихъ добрыхъ намѣреніяхъ.»

Послѣ сего протопопъ, оставшись одинъ, взялъ бумагу и перо, и сѣвъ подлѣ стола, готовъ уже былъ писать; но потомъ вдругъ остановился, и подперши голову рукою, погрузился въ задумчивость, продолжавшуюся нѣсколько минутъ.

«Нѣтъ, — сказалъ онъ, — теперь дѣло иное! Тогда я, описывая происходящее здѣсь зло, исполнялъ обязанность христіанина: защищалъ другихъ, а теперь....»

— Здравія и долгоденствія вашему высокоблагословенію! — сказалъ вошедшій въ сію минуту дьячекъ. — Благословите отче!

«Богъ тебя благословитъ, сынъ заблудшій!»

— Отъ-чего же заблудшій, отецъ Петръ? — отвѣчалъ дьячекъ, стараясь придать разговору видъ шутки. — Я шель, кажется, къ вамъ по

прямому пути. Сказали мнѣ, что у васъ въ домѣ что-то неспокойно, такъ я пошелъ попровѣдать.

«Спасибо за усердіе, Степанычъ. Но, чай, ты можешь понять, что и сказалъ не въ томъ смыслѣ. Признаюсь тебѣ, Степанычъ, сколько я ни вижу и ни слышу, а проку въ тебѣ не много. Мнѣ только говорить тебѣ не хочется: Ты самъ знаешь дѣла свои!»

— Какія же дѣла, отецъ Петръ? — спросилъ нѣсколько смутившійся дьячекъ. — Я никакихъ не знаю; напротивъ, я пришелъ еще просить васъ....

«О чемъ изволишь?»

— Да вѣдь не безызвѣстно вамъ, святой отецъ, что скоро наступитъ срокъ моему здѣсь пребыванію, а вѣдь почта еще будетъ отправляться нескоро: такъ не лзя ли докончить изліяніе на меня вашихъ благодѣяній, и соблаговолить послать на счетъ мой преосвященному донесеніе съ отправляющимся на дьякъ въ Иркутскъ купцомъ Саламатовымъ?

«А что прикажемъ написать мнѣ?»

— Да то — сказалъ дьячекъ, приглаживая косичку и облизываясь, какъ котъ, — что милосердой и сѣрдобольной душѣ вашей благоу-

годно будетъ. Я увѣренъ, что ваше высокоблагословеніе, по правиламъ вашей благочестивой и христіанской нравственности, не погубите до конца....

«Ахъ, Степанычъ! хотя я, братъ, и человѣкъ грѣшный, но могу дать отвѣтъ и на страшномъ судѣ, что съ намѣреніемъ зла никому не сдѣлалъ, а это ты потому такъ говоришь, что тебя совѣсть мучить....»

— Помилуйте, отецъ Петръ! — говорилъ дьячекъ, заикаясь отъ стыда, — что за совѣсть? Кажется....

«Ну полно, братъ — кажется! Эхъ, Степанычъ, Степанычъ! мало тебя, братъ, съкъ отецъ, а взялъ бы тебя, да....»

— Вы ужъ, отецъ Петръ, извольте обижать меня! — возразилъ вдругъ оперившійся дьячекъ, бывъ радъ случаю, чтобы дать другой оборотъ разговору. — Кажется, я изъ ребятъ давно вышелъ....

«Знаю, братъ, что давно, а все еще не худо было бы, говоря твоимъ любимымъ языкомъ, какъ бы хорошенько тебѣ да *дубинорумъ* по *скинорумъ*....»

— Помилуйте, отецъ Петръ! Вы извольте запомнить, что я уже студентъ Богословія...

«Нѣтъ, не забывь, любезный! Да помню и то, что ты, кажется, ужь черезъ-чурь перелучился....»

— Ну, это слишкомъ! Помилуйте, отецъ Петръ! Браните меня, какъ хотите; но что касается до моего ученія: то я прошу васъ не говорить о немъ: я этого *не стерплю, не снесу, не поущу!*...

«Да что же ты сдѣлаешь со мной? Прибьешь, что ли?»

— Нѣтъ, отецъ Петръ! Но человекъ обладаетъ средствомъ, которое можетъ остановить его непріятеля скорѣе, нежели всякая сила. Когда неистовый Катиллина дерзнулъ предти въ римской сенатъ, то безсмертный Цицеронъ однимъ могущественнымъ словомъ поразилъ его: Quousque tandem abutere, Catilina.... (Доколя ты, Катиллина....)

«Но послушай, братъ Степанычъ! я не Катиллина, а протопопъ, а ты не Цицеронъ, а дячекъ мой, такъ и скажу тебѣ запросто: коли не хочешь слушать моихъ рѣчей, то убирайся съ Богомъ домой, и дѣлай, что хочешь....»

— Пойду, отецъ Петръ, пойду, и выходя изъ вашего дома, отрясу прахъ съ сапоговъ моихъ....

«Ну, поступай, какъ умѣешь: въ здѣшнемъ краю все позволено!»

Дьячекъ, выходя изъ комнаты, хлопнулъ дверью. Протопопъ, смотря вслѣдъ ему, покачалъ головою и болѣе съ сожалѣніемъ, нежели съ гнѣвомъ, сказалъ: «Безпутный человѣкъ! самъ не знаетъ, что дѣлаетъ! Но что и мнѣ дѣлать въ самомъ дѣлѣ въ разсужденіи его? Чернить его передъ преосвященнымъ? это значитъ погубить его! Хвалить? — значитъ погубить ту паству, въ которой, къ несчастію, онъ сдѣлается пастыремъ! Ахъ, какъ гибнуть люди отъ своей гордости и высокомыслія, презирая простой и углаженной путь вѣры и тѣсяся на скользкой и запутанной дорогѣ слѣпой мудрости!... И этотъ человѣкъ, еслибы пошелъ по указанію Евангелія, былъ бы, по крайней мѣрѣ, добрый и полезный, если не отличный сынъ Церкви; а теперь — жалость!... Но пусть же, если суждено гибнуть ему, такъ по крайней мѣрѣ гибнетъ не отъ моей руки.» Сказавъ сіе, протопопъ взялъ онятъ перо и написалъ донесеніе, въ которомъ старался всячески смягчить поступки дьячка, доказывая, что онъ имѣетъ сердце отъ природы доброе; что въ умѣ его нѣтъ рѣшительно убѣжденія противъ истины

Вѣры, и что, наконецъ, онъ давно раскаялся въ своемъ легкомысліи, и далъ слово во всемъ непремѣнно исправиться. Завертывая сію бумагу въ конвертъ, протопопъ произнесъ съ величайшимъ самоотверженіемъ: «Да будетъ же ему это платою за то зло, которое онъ мнѣ причинять рѣшился, и если отъ сего еще болѣе увеличится приготовляемое мнѣ несчастье, то надобно помнить, что есть мѣсто, гдѣ всякой получитъ изду по дѣламъ своимъ!»



## XIV.

### КОВАРСТВО.

---

Марія, придя къ начальницѣ, нашла ее весьма больною и принуждена была отложить просьбу свою до другаго времени; но состояніе больной, которой здоровье было чрезвычайно разстроено претерпѣнными ею въ жизни различными огорченіями, ни сколько не облегчалось, а между тѣмъ положеніе Ивашкина раздирало чувствительное сердце доброй дѣвушки. И потому, посѣтивъ однимъ утромъ начальницу, нетерпѣливая Марія рѣшилась сама просить ея мужа.

Въ сіе время, Антонъ Григорьевичъ, какъ новыи Людвикъ XI, по крайней мѣрѣ такой же злодѣй, хотя и въ миниатюрномъ видѣ, бесѣдовалъ со своимъ *Оливье*, т. е. цирюльникомъ Шангннимъ о политическихъ дѣлахъ своего воеводства. «Не могъ ускользнуть, мошенникъ!— сказалъ онъ съ дьявольскою улыбкою. — Но скажи мнѣ, Алексѣй, какъ ты узналъ, что у него доносъ запеченъ въ хлѣбѣ?»

— Да ужъ узналъ, сударь! Усердіе чего не сдѣлаетъ!

«По правдѣ сказать: Алексѣй, ты сущій чортъ! Но расскажи скорѣе....»

— Да тутъ дѣло простое, сударь! Вѣдь вамъ извѣстно, что Саламатовъ остановился въ домѣ у Караулихи....

«Ну!...»

— Такъ прочее должно быть для васъ уже ясно..

«Стало быть, Караулиха тебѣ предана?»

— Да это, ваше высокоблагородіе, такая баба, что за нѣсколько грошей продастъ самого Христа, не хуже Иуды!

«Ты увѣренъ въ этомъ?»

— Да, кажется, не дамъ маха; на своемъ вѣку таки-видывалъ людей, нечего сказать!



Начальникъ замолчалъ, и по нѣкоторомъ размышленіи спросилъ значительнымъ голосомъ:

«Вѣдь говорилъ, что у ней дѣти умерли?»

— Да, умерли, но тутъ еще Богъ вѣсть....

«Что такое?»

— Да говорятъ, ваше высокоблагородіе, двояко: чуть ли она не сама утомилла ихъ!

«И будто это сомнѣніе имѣеть какое-нибудь основаніе?»

— Да кажется! Опа, вотъ извольте видѣть, говоритъ, что ея дѣти будто бы утонули въ день вашихъ именинъ, а недавно мнѣ старуха Пахомовна сказывала, что въ этотъ день они и изъ избы не выходили. Пахомовна, извольте видѣть, съ нею сосѣдка.

«Хорошо, если такъ!»

Начальникъ, заткнувъ руки за поясъ шлафрока и закусивъ губы, съ видомъ самой страшной думы началъ ходить по комнатѣ, и вдругъ потомъ, устремивъ дикой взоръ на фельдшера, отъ котораго почти невольно затрепеталъ сей послѣдній, сказалъ ему почти шопотомъ: «Алексѣй! эту женщину намъ надобно прибрать къ рукамъ. Обыщи немедленно ея избу, и если откроются слѣды убійства, то предложи ей на выборъ: или быть наказанной жестокимъ обра-

зомъ, плн....» Но онъ не могъ договорить рѣчи, и опять началъ ходить по комнатѣ. Страшныя внутреннія волненія изображались на его лицѣ, блѣдномъ и ужасномъ. Губы его были сухи, и глаза на-выкатѣ. Казалось, онъ сражался съ самимъ собою, и въ продолженіе сей борьбы опять взоры его встрѣтились съ роковымъ изображеніемъ, вписаннымъ на стѣпѣ. Онъ вздрогнулъ, и страшно прошепталъ про себя: «Иуда! я помню твой оболстптельный взоръ, твои сладкія рѣчи! Хорошо! Я теперь исполню твои наставленія....»

— Антонъ Григорьевичъ! — возгласилъ испугавшійся сусѣрный фельдшеръ — Антонъ Григорьевичъ! съ кѣмъ это вы изволите говорить?

«Ахъ, Алексѣй! — отвѣчалъ опомнившійся начальникъ — я почти забылъ, что ты здѣсь. У меня давнишняя привычка говорить съ самимъ собою.... Запри-ка двери, да садись ко мнѣ ближе. Я хочу поговорить съ тобою о важномъ дѣлѣ.»

Фельдшеръ сначала было-отговаривался отъ сей учтивости; но начальникъ сказалъ ему строго: «Садись! Теперь не время заниматься вздоромъ. Слушай!»

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!

«Такъ ты непремѣнно долженъ сдѣлать самой строгой розыскъ о дѣтяхъ этой женщины, но не пуская въ огласку того, что, быть можетъ, откроешь. Предложи ей: если она не хочетъ кнута, то исполнила бы, что ей будетъ приказано. Понимаешь ли?»

— Понимаю, ваше высокоблагородіе! — отвѣчалъ фельдшеръ, хотя еще не могъ вовсе ничего понять изъ всего имъ слышаннаго. — Но что же вы позволите ей приказать?

«Ты, Алексѣй! — сказалъ начальникъ, стараясь вдругъ принять на себя шутовскій видъ, и улыбаясь самою принужденною улыбкою — кажется, въ самомъ дѣлѣ забралъ къ себѣ въ голову, что у меня не вѣсть что есть на умѣ, а между тѣмъ я хочу приказать тебѣ сущіе пустяки: скажи пожалуй-ста этой Караулхѣ, чтобы она попросила мичмана.... вѣдь онъ, ты говорилъ, покровительствуетъ ей?»

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе!

«Такъ, чтобы она попросила — продолжалъ начальникъ — похлопотать за нее у жены. Вишь, мнѣ хочется, чтобы около нея была благонадежная женщина, а вѣдь, а думаю — прибавилъ онъ со смѣхомъ, изображавшимъ вдругъ

всѣ адскія чувствованія: злобную насмѣшку, отчаяніе, дикую радость — я думаю, лучше Караулихи найдти трудно?... По крайней мѣрѣ, такъ должно полагать по давнишней твоей рекомендаціи....»

— Это правда, ваше высокоблагородіе! — отвѣчалъ фельдшеръ, ищущая вполнину догадываться о намѣреніи начальника. — Но я не знаю — примолвилъ онъ съ видомъ величайшей простоты — къ чему бы могла быть годна эта женщина? Можно найдти гораздо лучше....

«Глупецъ! — вскричалъ начальникъ, скочивъ со стула — исполняй то, что тебѣ приказываютъ.»

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!

«Болѣе ни слова! Вы всѣ привыкли противорѣчить мнѣ, между тѣмъ, какъ никто изъ васъ не думаетъ ни о чемъ! Вы живете въ счастіи, въ довольствѣ, въ пзобліи; вы всеѣмъ пользуетесь, а я? Посмотрите на меня: я мученикъ за васъ! Съ меня требуютъ отвѣта въ вашихъ мерзостяхъ. Я начальникъ вашъ: всякая ваша шалость, всякое злоупотребленіе на меня падеть. Доносы за доносами, и лѣбдничеству конца не вижу! Я просиживаю ночи, от-

писываюсь; но злодѣи уже начинаютъ меня перемогать. Я слышалъ уже, что въ Иркутскѣ назначенъ сюда ревизоръ, и кто бы, ты думалъ, этотъ ревизоръ? Старый любовникъ моей жены, котораго любила она безъ памяти, за котораго уже была просватана и у котораго я, такъ сказать, вырвалъ ее изъ рукъ, обольстивъ стараго дурака, ея отца? Теперь ты видишь: чего и кого долженъ я опасаться болѣе всего. Но, клянусь адомъ, я забочусь только о вашей безопасности! Ну, понялъ ли ты меня, глупецъ?»

— Кажется!...

Никакое перо, никакая кисть не изобразила бы тѣхъ ужасныхъ тѣлесъ, какими было подернуто лице вѣроломнаго убійцы, который желалъ, чтобы его поняли, и чтобы между тѣмъ не сказать ничего слишкомъ яснаго. Услышавъ отвѣтъ фельшера, онъ захохоталъ такъ, какъ бы смѣхъ его былъ только эхомъ адекаго хохота. «Ха, ха, ха! ему кажется! — говорилъ онъ, передразнивая фельшера — Ему только кажется, когда я кладу ему въ ротъ, что моей женой нужна хорошая женщина, которая бы при ней прислуживала и могла бы подавать ей лекарства.... Понимаешь ли ты? Подавать лекар-

ства! А кто можетъ это сдѣлать лучше, какъ не Караулха, которая, въ случаѣ нужды, и сама можетъ составить ихъ не хуже всякаго аптекаря?»

— Это правда, ваше высокоблагородіе!

«Ну, такъ вотъ видишь ты, Алексѣй!—сказалъ Антонъ Григорьевичъ, вдругъ измѣнивъ такъ голосъ, какъ будто рѣчь пошла уже о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, — мнѣ бы хотѣлось такъ уладить, чтобы, когда жена поѣдетъ весною на воды: то бы и Караулха съ нею туда же поѣхала.... Ну, да ты еще съ ними.... да еще....»

Сказавъ сіе, начальникъ вдругъ остановился, и, закусивъ палецъ, посмотрѣлъ значительно, обратясь къ окошку, и вдругъ вскричалъ въ какомъ-то дикомъ восторгѣ: «Славная мысль! Счастливая мысль! Справедливо сказано: дѣсять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь! Не много, такъ и дашь маха!»

— А смѣю ли спросить? Что еще вздумали вы, ваше высокоблагородіе?

«Ну это, можетъ быть, ты узнаешь послѣ, а теперь ступай исполни, что я тебѣ приказывалъ, да помни, что я забочусь не о себѣ, а о васъ, и что отъ точнаго исполненія моихъ при-

казаній завдентъ ваша честь и благосостояніе, и особенно твое: ты, чай, еще не забылъ, что во время оно твоя сиппа была подвержена маленькимъ неприятностямъ, что, благодаря только, моей заботливости, твой сипсокъ сталъ опять чистъ, какъ совѣсть дѣвушки? А?»

— Какъ забыть, ваше высокоблагородіе!

«То-то же, помни! Да, я думаю, также извѣстно тебѣ, что моя жена не можетъ тебя терпѣть....»

Есть тотъ грѣхъ, ваше высокоблагородіе!

«Ну, къ этому мнѣ остается прибавить еще одно, что она всегда возитъ съ собою бумажникъ хорошихъ билетовъ, который она бережетъ на одинъ самый невѣроятный случай, и который, въ награду за хорошую службу, достанется.... Ты, я думаю, догадываешься ужъ кому?»

— Разумѣю, ваше высокоблагородіе! Много доволенъ вашею милостію! Будемъ стараться!

«Ну, хорошо, поди же, да вели позвать ко мнѣ твоего пріятели мичмана, который такъ от-рекомендовалъ тебя начальству; а это глупое донесеніе протопопа сейчасъ же вели отправить назадъ къ Саламатову: намъ в самомъ ничего

нельзя было лучше его придумать! Ну, кажется, я сказала все! Прощай!»

Едва фельдшеръ отворилъ дверь изъ кабинета, какъ Марія, давно ожидавшая его выхода, немедленно вошла туда.

«А, Машенька! сказалъ начальникъ съ видомъ сластолюбиваго удовольствія, заблеставшаго въ его глазахъ. — Что ты скажешь?»

— Я пришла васъ просить....

«О чемъ бы это? О чемъ? Я для тебя все готовъ сдѣлать....»

— Хорошо, если вы такъ мпlostивы.

«Въ чемъ же сомнѣваться тутъ, моя мплая? Садись-ка вотъ сюда на канапе, подлѣ меня, да и расскажи, чего ты хочешь, а мы послушаемъ.... Дай только прежде затворить двери: я не люблю, чтобы мѣшали мпѣ, когда я съ кѣмъ-нибудь занимаюсь.... Ну, садись же!... Теоу какая церемонная! — примолвилъ начальникъ, сядя Марію сплюю. — Вѣдь, кажется, ты при моихъ глазахъ выросла?»

— Извольте, сяду, если это угодно вамъ; но сдѣлайте мпlostь: выслушайте мою просьбу!

«Говори, моя кралочка, говори!» — отвѣчалъ начальникъ, придвигиваясь къ ней и смотря на нее самыми преступными глазами.



— Просьба моя — сказала Марія, вставая съ капапе....

«Да что же ты опять встала?» — прервалъ сластолюбецъ, схвативъ ее за руку.»

— Ахъ, позвольте мнѣ встать! — говорила Марія, вырывая руку и покрывшись румянцемъ. — Я, право, не могу говорить....

«Ребенокъ! ты, словно, боишься меня, чтобы я тебя не укусплъ....»

— Пѣтъ; но позвольте....

«А не пущу!» — говорилъ дерзкой мошенникъ, еще болѣе приближаясь къ Маріи, съ самою низкою улыбкою.»

— Боже мой! пустите меня....

«Ну, поцѣлуй же меня, такъ пущу!»

— Господи! что это значитъ? Вы, котораго я привыкла почтять....

Отцемъ? — прервалъ сластолюбецъ. — Ну, на все есть время! Теперь ты выросла, стала хороша, пригожа, такъ, что я люблю тебя безъ памяти....

«Это вы говорите мнѣ?» — вскричала Марія съ ужасомъ, вскакивая съ капапе.

— Я! я! — повторилъ грѣшникъ, выйдя изъ себя, и схвативъ Марію въ свои объятія. — Обними же меня, плн....

— Что же вы дѣлаете? Боже мой!... Пустите меня, или я закричу!

«Такъ кричи же: если хочешь умереть жено!»

— О Господи! — воскликнула Марія, закрывая лице руками, между тѣмъ, какъ безсознательный злодѣй сплелся отнять ихъ и напечатлѣть на ея губахъ святотатственный поцѣлуй.

Въ сіе мгновеніе послышался въ ближней комнатѣ шумъ шаговъ.

«Идетъ твой женихъ! — вскричалъ шопотомъ начальникъ, съ видомъ величайшаго ужаса, опустивъ Марію изъ рукъ. — Заклинаю тебя Богомъ, спаси меня! Онъ меня убьетъ, если застанетъ меня здѣсь въ-заперти съ тобою!»

Марія, освободившись изъ его рукъ и не слыша, отъ спльнаго волненія, словъ его, бросилась къ дверямъ и хотѣла отворить ихъ, но онъ схватилъ ее.

«Не ходи, закликаю тебя всѣмъ, что есть святаго: не ходи?»

— Пустите меня!

«Нельзя, клянусь Всемогущимъ, нельзя! Тебѣ еще невѣстно, что значатъ ревность! Онъ убьетъ меня, непременно убьетъ!»

— Я не понимаю васъ!

«Я знаю, что не понимаешь; но я не имѣю времени теперь тебѣ объяснить причины моей просьбы. Спрячься, хоть въ эту кладовую; спрячься, умоляю тебя, если не хочешь принять крови моей за свою душу!»

Въ сіи минуты кто-то взялся за дверной замокъ. Начальникъ произнесъ только: «погибъ!» и съ видомъ ужаса и мольбы сдѣлалъ Маріи знакъ руками идти въ казенку, о которой уже мы говорили выше. Марія, не понимая сама, что дѣлаетъ, повиноваясь единственно влеченію своего чувствительнаго, добраго сердца, вошла туда, а начальникъ заперъ за нею дверь замкомъ, и мгновенно сбросивъ съ себя притворный страхъ и тряхнувъ головою съ мошенническою мпною, сказалъ про себя: «А, проклятая упрямецка! попалась въ западню. Теперь будемъ ловить другаго тетерева!» Послѣ сего, также съ непостижимымъ искусствомъ, принявъ на себя еще новую физіономію, смренную и печальную, онъ отворилъ дверь мичману.

«Пожалуйте, Викторъ Ивановичъ! — говорилъ хамелеонъ сему послѣднему. — Я призывалъ васъ — продолжалъ онъ, садясь на капане и показывая также мѣсто мичману — чтобы раздѣлать съ вами мое горе....»

«Благодарю васъ за довѣренность — сухо отвѣчалъ мячманъ. — Едва ли я буду способенъ доставить вамъ утѣшеніе.»

— А напротивъ — возразилъ начальникъ, не перемѣняя роли — вы одни только и можете это сдѣлать.

«Если такъ, то я очень радъ служить вамъ; но въ чемъ, смѣю спросить, заключается ваше несчастіе?»

— Выслушайте меня!... Недавно пріѣхалъ сюда одинъ молодой человѣкъ....

При семъ словѣ мячманъ взглянулъ на начальника съ видомъ изумленія и увеличилъ вниманіе.

«Этотъ человѣкъ — продолжалъ начальникъ — съ самаго перваго взгляда понравился мнѣ такъ, что я полюбилъ его какъ роднаго сына... Да, Викторъ Ивановичъ! какъ роднаго сына: ибо онъ возобновилъ въ моей памяти ту невозвратную потерю, какою угодно было Провидѣнію меня наказать и которой, я вспомнить не могу безъ слезъ....»

Говоря сіе, начальникъ дѣйствительно показалъ видъ величайшей горести и горько заплакалъ. Слезами его мячманъ былъ приведенъ въ совершенное недоумѣніе, не могши разгадать

было ли это одно притворство или истинное чувство, и по довѣренности своей, свойственной всѣмъ добрымъ людямъ, склонялся болѣе къ послѣднему заключенію. Между тѣмъ комедія продолжалась.

«Ахъ, Викторъ Ивановичъ! — говорилъ начальникъ, утирая слезы — вы не знаете моей горести; но теперь рассказывать объ этомъ не время. Въ эту минуту у меня есть на сердцѣ ближайшая скорбь.... Такъ я уже сказалъ вамъ, что я полюбилъ этого молодого человѣка, о которомъ началъ говорить, какъ роднаго сына.... Онъ и стоить того: онъ уменъ, благороденъ, прямодушенъ....»

— Но кто же это таковъ? — спросилъ нетерпѣливо мичманъ. — Миѣ кажется, я никого не вижу въ Петропавловскѣ прїѣзжаго....

«Дослушайте меня, и вы все узнаете. Я принялъ его въ своемъ домѣ, старался оказать ему всякую учтивость, всякое одолженіе. Скажите же теперь: чѣмъ слѣдовало бы ему заплатить миѣ, если не за одолженіе, по крайней мѣрѣ за гостепрїимство?»

Безъ сомнѣнія, благодарностію — отвѣчалъ нѣсколько смутившійся мичманъ, начиная догадываться о комъ шло дѣло.

«Такъ судите же самп себя!» — сказалъ начальникъ, принявъ торжественный видъ; и подавая мичману его бумагу.»

— Слѣдовательно, вы знаете уже все! — съ твердостью отвѣчалъ мичманъ, вставъ на ноги! — Я не запраюсь отъ васъ: точно это писалъ я, но вы виноваты самп! Голосъ народа и собственная моя опасность меня вынудили.

«Голосъ народа, говорите вы! — воскликнулъ начальникъ. — Ха, ха, ха! Голосъ народа! т. е. толпа ябедниковъ, которые смотрятъ на всякаго начальника, какъ на своего врага, которые стараются чернить всѣ его поступки, и которые не были бы довольны ни даже ангеломъ, если бы онъ сошелъ управлять Камчаткою!»

— Но развѣ не правда, что вы приняли донось на меня, и послали уже производить слѣдствіе?

«Правдѣ! — отвѣчалъ начальникъ съ важностію. — Но развѣ я могъ уничтожить его? Я знаю, что онъ есть не что иное, какъ клевета, но тѣмъ не менѣе я долженъ былъ повѣрить его, даже хотя и для того только, чтобы строже наказати ябедника.»

— Но позвольте же васъ спросить: кто вамъ далъ право перехватывать бумаги?

«Молодой человѣкъ! ты судишь обо мнѣ по тѣмъ ложнымъ толкамъ, какими стараются занять всякаго прїѣзжаго сюда мои враги — мои личные враги и враги всякаго порядка и устройства; но не по нимъ должно судить меня. Узнай же, что за зло, какое причиняютъ мнѣ люди, я всегда готовъ платить имъ добромъ. Я давно хотѣлъ тебя предупредить: тебя обманываютъ?»

— Кто и какъ?

«Одна моя искренняя привязанность къ тебѣ — да, не удивляйтесь этому! — одна моя, можетъ быть, безразсудная привязанность къ тебѣ, Викторъ Ивановичъ, заставляетъ меня сказать тебѣ такія вещи, о которыхъ другому говорить я никогда бы не рѣшился.»

— Сдѣлайте милость, [пощадите мое нетерпѣніе!

«Вы хотите соединить вашу судьбу съ внучкой протопопа; но узнали ли вы прежде ее хорошенько? И когда было узнать ее вамъ?»

— Я люблю ее, люблю пламенно, и этого для меня довольно! — отвѣчалъ мичманъ съ жаромъ и съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

«Это доказательство, конечно, самое лучшее для юнаго сердца — сказалъ начальникъ съ ироническою улыбкою; — но увѣрены ли вы въ томъ, что и она такъ же васъ любить?»

— Если ангелы могутъ обманывать....

«Ангелы! — прервалъ начальникъ, горько улыбувшись. — Не ищите ихъ на землѣ: они исполнены одними духами злобы!»

— Что же вы хотите сказать мнѣ?

«То, что заставляетъ сказать тебѣ, молодой, доврчивый человекъ, твоя честь, твое счастье, благо цѣлой твоей жизни и, наконецъ, тотъ высокой законъ, который повелѣваетъ дѣлать добро врагамъ....»

— Боже мой! что все это значить?

«Узнай же истину, для тебя неприятную, но благословляй Бога, что ты узнаешь ее еще благовременно....»

Послѣдующія слова были произнесены шопотомъ.

— Какъ! — вскричалъ мичманъ — что за клевета на существо, которое не сдѣлало вамъ ни малѣйшаго зла?

Въ продолженіе сего разговора Марія хотя нѣсколько разъ готова была прервать рѣчь начальника, но страшась сдѣлать убійцею своего



Виктора, не знала сама на что ей рѣшиться. Колеблясь въ семь недоумѣннн, она затрепетала, услышавъ слова, произнесенныя имъ. Холодный потъ выступилъ на лицѣ ея. Присѣвъ на стоящій въ кладовой сундукъ, она ослабѣла отъ горести и отчаяннн, и съ величайшимъ внутреннимъ страданнмъ произнесла едва слышнымъ голосомъ: «Царь Небесный! онъ меня губить!» Этотъ легкой шопотъ, незамѣченный мнчманомъ, не скрылся однако жъ отъ внимательнаго злодѣя, и опасаясь, дабы Марнн какимъ-нибудь смѣлымъ поступкомъ не разрушила вдругъ его козни, онъ поспѣшилъ окончить разговоръ.

«Вы не вѣрите? Такъ знайте же, что эта дѣвушка величайшая лицемерка, что она, питая какую-то странную страсть.... (Признаюсь, мнѣ стыдно и говорить объ этомъ).... страсть ко мнѣ....»

— Къ вамъ? Вы издѣваетесь надо мной, какъ надъ ребенкомъ....

«Выслушай и поступай какъ хочешь! Страсть ко мнѣ, повторяю вамъ — и я долженъ былъ призывать на помощь все благоразумнн, чтобы укрощать ея порывы, искусно прикрываемые

видомъ притворной невинности и простосердечія....»

— Не говорите болѣе! Клянусь Богомъ, вы будете раскаиваться....

«Выслушай, несчастный! Сегодня она принесла ко мнѣ этотъ доносъ, который успѣла украсть у Караулихи; и услышавъ, что ты идешь, скрылась вотъ сюда.... Смотри самъ, если можешь!»

Говоря сіе, онъ отперъ дверь въ кладовую.

«Не вѣрь ему! — воскликнула Марія, падая безъ чувствъ въ дверяхъ. — Не вѣрь ему, Викторъ!»

— Измѣнница! — вскричалъ мичманъ впѣ себя отъ бѣшенства, выхвативъ саблю.

Что ты дѣлаешь? — сказалъ начальникъ, схвативъ его за руку.

— Пустите меня!

«Она спасла тебѣ жизнь, а ты....»

— Жизнь! Но что мнѣ въ жизни теперь — воскликнулъ мичманъ съ величайшимъ отчаяніемъ, — когда однимъ разомъ она отняла у меня все?

«Но не смотря на то, вы обязаны ей, и сверхъ того я не позволю вамъ....»

— Хорошо! Я оставляю ей жизнь: она до  
стойна этой муки.

«Викторь! Викторь!» — произнесла Марія  
умирающимъ голосомъ; но мичманъ, не слушая  
ее, бросилъ саблю и вышелъ поспѣшно изъ  
комнаты.

Слова снова замерли на устахъ несчастной  
страдалицы и глубокой обморокъ объялъ ея  
чувства. Начальникъ, призвавъ людей, велѣлъ  
подать ей помощь, и когда ее вынесли отъ не-  
го и когда онъ заперъ за нею дверь, то слу-  
жители слышали, что въ комнатѣ его раздавался  
дикой, дьявольской хохоть.



## XV.

### ПРОЩАНИЕ.



Наступилъ мартъ. Дни становились длиннѣе. Небо не застилалось болѣе туманами, и солнце весело катилось по чистой лазури. Въ полдень начиналъ таять снѣгъ, и по скользящему *насту* (\*), во времени ясныхъ и холодныхъ *утренниковъ*, Камчадалы и русскіе промышленники расходились изъ Петропавловска на промыселъ. Казалось, весна была уже близка; но негостепримная камчатская природа всегда

---

(\*) *Настомъ* называется тонкой ледъ, образовывающійся надъ снѣгомъ, во время таянія.

долго спорить съ этою прекрасною, перелестною гостьею изъ странъ южныхъ. До самаго іюня продолжается одна и та же мартовская погода, и уже въ началѣ только сего мѣсяца начинаютъ распускаться деревья.

Но есть мѣста въ Камчаткѣ, гдѣ и посреди повсемѣстной зимы изумленный взоръ встрѣчаетъ какъ бы острова, еще не покоренные ея владычеству. Сіи странныя мѣста находятся близъ горячихъ водъ; концы Камчатка, сія вулканическая страна, можно сказать, изобилуетъ. Земля около сихъ водъ, разогрѣваемая внутреннимъ огнемъ, сохраняя теплоту среди глубочайшей зимы, не терпитъ на себѣ печальнаго снѣжнаго покрова, и самая атмосфера сихъ мѣстъ, наполняемая теплымъ парами, во время сильнѣйшихъ морозовъ сохраняетъ качество, если не лѣта, по крайней мѣрѣ умѣренной осени. Особенно замѣчательно сіе необыкновенное явленіе на водахъ, протекающихъ не въ дальнемъ разстояніи отъ *Большой рѣки*, близъ рѣчки *Шемеча*. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда окрестныя долины и горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ, представляютъ еще картину суровой зимы, на берегу сихъ водъ, составляющихъ большой ручей, впадающій въ Восточный океанъ, зеле-

нѣтся трава и даже разцвѣтають цвѣты: это, какъ будто родъ какой-то временной квартиры, на которой останавливается въ Камчаткѣ добрая весна, до окончанія своей борьбы съ угрюмою тамошнею природою.

Близъ сихъ водъ нѣкогда стоялъ небольшой, но опрятной домикъ, выстроенный для жителя начальницы, всякую весну прїѣзжавшей сюда пользоваться водами, и особенно въ мартѣ мѣсяцѣ, когда прелестная картина зелени улаживаетъ взоръ, утомленный продолжительною зимою. Такимъ образомъ она посѣтила сіи воды въ семь мѣсяцѣ, по полученіи небольшого облегченія отъ болѣзни, упомянутой нами въ предъидущей главѣ.

Мужъ ея, прощаясь съ нею, оказалъ при семъ случаѣ знаки необыкновенной къ ней привязанности; даже на глазахъ его, говорятъ, видны были слѣды слезъ. Предоставляемъ психологамъ объяснить загадку: что значили сіи слезы? Слѣдствіе ли величайшаго притворства, или чудное дѣйствіе пробуждавшейся на мгновение совѣсти, не могшей, однако жъ, побѣдить закоренѣлой власти страстей? Можетъ быть, слезы сіи текли по тому же неизъяснимому побужденію, по которому, напиримѣръ, Грозный

Іоаннъ Васильевичъ разсылалъ по монастырямъ синодпки о помпновеніи убіенныхъ нмъ людей. Многія явленія души человѣческой останутся на всегда тайною для самой ее !

Не принимаясь за тщетный трудъ объяснить сіе непзъяснимое явленіе, мы опишемъ только исторически разговоръ начальника съ его женою, бывшій дня за два до ея отъѣзда. По обыкновенію своему, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда она вошла къ нему въ кабинетъ. На столѣ его лежала огромная Библія, а на копторкѣ, единственной въ тогдашнее время во всей Камчаткѣ мебели краснаго дерева, завезенной Лаперузомъ, стояло распятіе. Все въ этомъ кабинетѣ дышало благочестіемъ, кромѣ вѣроломной души хозяина. При входѣ жены, женщины еще среднихъ лѣтъ, и хотя изнуренной болѣзнію, но сохранившей благородство и привлекательность въ чертахъ лица и въ приемахъ, начальникъ положилъ перо и старался весело улыбнуться. Кстати замѣтимъ, что ни въ чемъ болѣе езь тѣлодвиженій не обнаруживается душа, какъ въ улыбкѣ: есть улыбки истинно-ангельскія, улыбки, еъ которыхъ вполне высказываются души чистыя и свѣтлыя; но есть и улыбки дьявольскія, судорожное движеніе души,

исполненной злобы и коварства, но старающейся принять на себя видъ доброты и чистосердечія. Такова была улыбка и Антона Григорьевича, который, по странному владычеству добродѣтели надъ порокомъ, всегда сохранялъ къ женѣ своей невольное уваженіе.

«Ну что, моя милая — спросилъ онъ ее, стараясь придать своему голосу самый ласковый тонъ — какъ ты сладила съ этими чудачками, Машею и ея женихомъ?»

— Тутъ, другъ мой — отвѣчала начальница съ видомъ печальнымъ — есть для меня непонятная тайна. Ни тотъ, ни другой не открываютъ мнѣ причины ихъ раздора. Маша, сколько я ни старалась ее уговаривать во всемъ мнѣ открыться, только рыдаетъ и проситъ меня: «Радн Бога не спрашивайте меня; оставьте меня моей судьбѣ!»

«Странное дѣло! замѣтилъ начальникъ, качая головою и моргая глазами. — Ну, а что женихъ ея?»

— И онъ также не сказываетъ мнѣ ничего. Между тѣмъ ужасная горестъ видна на лицахъ обоихъ, и я даже боюсь, особенно за Машу, чтобы она не слегла....

«Эхъ, матушка! не бойся: не сляжетъ! Это



только минутный какой-нибудь капризь, и всего вѣрнѣе, что когда ты возьмешь ихъ съ собою, то и ссорѣ конецъ!»

— Ахъ, если бы это въ самомъ дѣлѣ было такъ! Но я даже не знаю: удастся ли мнѣ уговорить Виктора Ивановича ѣхать со мною? Мученіе, какое, примѣтно, всегда онъ чувствуетъ при встрѣчѣ съ Машенькою....

«Ничего! надобно только постараться, а то какъ не уговорить! Онъ же такъ, кажется, уважаетъ тебя.»

— Это правда! И признаюсь тебѣ, другъ мой, и мое сердце, сама не знаю почему, такъ лежитъ къ этому молодому человѣку....

«Ха, ха, ха! — засмѣялся начальникъ, стараясь обратить слова жены въ неблагопристойную шутку. — Дѣло самое естественное, что женщины нравятся молодой....»

— Другъ мой! — сказала начальница съ видомъ кроткаго негодованія — теперь не время шутить намъ. Мы теперь подобны путешественникамъ, которые, встрѣтятся случайно на перекресткѣ, идутъ въ разныя стороны и, можетъ быть, уже вѣчно не сойдутся....

«Съ чего такія печальныя мысли, матушка?»

— Съ чего бы онъ ни взялся въ головѣ моей, но посвятимъ остальные минуты дѣлу, а не шуткѣ. Ты перебилъ мою рѣчь: я хотѣла сказать, что въ этомъ молодомъ человѣкѣ я какъ будто вижу моего Павла....

«Эхъ, матушка! ты все не отстаешь отъ мечты....»

— Пусть будетъ эта самая вздорная мечта, но я нарочно пришла просить тебя: если не будетъ меня на свѣтѣ, то будь покровителемъ этого юноши!

«Я всегда готовъ ему покровительствовать; но....»

— Ахъ, другъ мой! я знаю все, я знаю болѣе, нежели ты думаешь: страшная бѣда готовится для этого бѣднаго молодого человѣка; но ради Бога, другъ мой!....

«Чего ты хочешь отъ меня?»

— Я хочу, чтобъ ты не губилъ его. Къ несчастію нашему, Камчатка уже наполнена людьми, которые ненавидятъ насъ, какъ своихъ утѣшителей; для чего ты еще хочешь умножать число своихъ жертвъ и враговъ?

«Странная женщина! — вскричалъ пчальникъ, пламенѣя отъ гнѣва, но стараясь удержать его стремленіе. — ты говоришь, Богъ знаетъ что!

Я пшу правосудія, справедливости, казни виновныхъ, а она говоритъ объ утѣсненіи, о жертвахъ! Боже мой! справедливо сказано: *и враги челоуьку домашнія его!*»

— Нѣтъ, другъ мой! — сказала жена его съ величайшею кротостію, залпвшсь слезамп — я не врагъ твой! я тебѣ говорю правду, которой, разставшсь со мною, ты болѣе не услышишь. Вспомни, что и нашъ сынъ, быть можетъ, такъ же, какъ и этотъ юноша, гдѣ-нибудь теперь живетъ одинъ, безъ друга и безъ покровителя, можетъ быть, и онъ такъ же нуждается въ помощи, безъ которой погпбнетъ.... Ахъ, я тебя просила за многихъ — ты не слушалъ меня; но теперь я со слезамп умоляю тебя! Это, быть можетъ, уже послѣдняя моя просьба!

«Ты такъ говоришь — сказалъ начальникъ, показывая видъ, что онъ весьма тронуть — что не только меня, но и камень могла бы разжалобить. Признаюсь тебѣ, я не люблю послаблять строгости правосудія; но такъ я быть: для тебя только, для тебя одной я приму все мѣры, чтобы спасти этого шалуна. Ты употребила слишкомъ сильное средство, напомнивъ мнѣ о сынѣ.... Охъ!»

Этотъ вздохъ вырвался изъ груди лицемѣра,

можетъ быть, и безъ малѣйшаго притворства: ибо природа и въ самыхъ ожесточенныхъ сердцахъ вступаетъ иногда въ права свои. Но это бываютъ только мгновенныя, такъ сказать, возмущенія постоянной струи порока, которая послѣ того опять переходитъ скоро въ прежнее теченіе. Такъ случилось и здѣсь. Вздохъ, произнесенный начальникомъ, хотя былъ, вѣроятно, и самый непритворный, но между тѣмъ послужилъ прекраснымъ переходомъ къ величайшему притворству. Сохраняя печальную мину, начальникъ сказалъ: «да, душенька! мы, кажется, уже потеряли его навсегда!»

— Нѣтъ; я все-таки еще надѣюсь на Бога.

«Да, моя милая! надѣйся: это всего лучше! Но, кажется, здѣсь намъ уже не увидѣть его!— Сторона отдаленная, малолюдная: какой случай можетъ завести его сюда?»

— Ахъ, не говори объ этомъ! Миѣ ужасно и подумать, что глаза мои не увидятъ его болѣе!

«Конечно, и миѣ тоже страшно это помыслить; но какъ ни говори, а это такъ! По этому-то я хотѣлъ тебѣ давно сказать....»

— Что такое?

«Да вотъ что! Ты возишь вездѣ съ собой значенные для него билеты; боюсь я: неравень

случай, такъ, пожалуй, мошенники оберутъ, да и слѣда не найдешь!»

— Но вѣдь ты знаешь, что я дала обѣщаніе покойному своему отцу сохранить эту сумму для его внука....

«Странно мнѣ, матушка, что ты до-сихъ-поръ не увѣрилась во мнѣ: уже ли я истрачу ихъ?»

— Нѣтъ; я не думаю этого; но онъ приказалъ мнѣ беречь ихъ, какъ зѣницу ока, и я дала слово....

«Но подумай сама: храни Боже, если что случится безъ меня (вѣдь, мы все подъ Богомъ ходимъ!); такъ значитъ ли это, что ты исполнишь слово отца?»

— Ты говоришь правду; но дай же мнѣ обѣщаніе, что ты будешь хранить столь же тщательно, какъ я, покуда....

«Вотъ тебѣ порука!» (Начальникъ указалъ на распятіе.)

— Хорошо, другъ мой, возьми ихъ: вотъ они! и когда ты будешь отдавать ихъ моему милому Павлу, то скажи ему, что я всегда носила ихъ на груди своей, какъ самое священное сокровище, потому что съ ними было соединено его имя; скажи ему, что мать его ждала свиданія

съ нимъ, какъ единственнаго блага, и что если жалѣла о жизни, закрывая глаза на-вѣкъ, то потому только, что ждала, и не дождалась его...

Она не могла болѣе говорить, и горько зарыдала.

«Успокойся, другъ мой, успокойся! — говорилъ мужъ ея, казалось, съ непритворнымъ участіемъ. — Оставимъ этотъ разговоръ, поговоримъ лучше о другомъ.... Ну какъ ты, кого рѣшилась взять съ собою для прислуги?»

— Ту женщину, которую рекомендовалъ мнѣ Викторъ Ивановичъ....

«Не совѣтывалъ бы я тебѣ — говорилъ начальникъ, у котораго опять порочныя мысли взяли свое направленіе — не совѣтывалъ бы: эта женщина такъ мнѣ не нравится! У ней такая наружность....»

— Да, наружность ея, признаюсь, и мнѣ не нравится; но я рѣшилась побѣдить это ложное отвращеніе: я думаю только о томъ, что она, если не взять ее, должна помереть съ голоду...

«Это-то правда! Конечно, ты дѣлаешь дѣло христіанское: помогать другому всего лучше на свѣтъ; но....»

— Нѣтъ; ужъ я рѣшилась....

«Ну я не препятствую тебѣ; слѣдуй влече-

нію твоего добраго сердца: оно тебя не обманетъ! Да я совѣтывалъ бы тебѣ еще взять Алексѣя: онъ почти необходимъ для тебя, по твоему состоянію...»

Начальница согласилась на это предложеніе, и наконецъ вышла изъ комнаты, а мужъ ея, положивши билеты въ конторку, съ плутовскою усмѣшкою сказалъ про себя: «Ну Алёшка, работай, какъ умѣешь! Билеты теперь у меня, и ты напрасно будешь грызть на нихъ зубы!»

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.





# О Г Л А В Л Е Н И Е

## В Т О Р О Й Ч А С Т И.

	<i>Стр.</i>
IX. Начальникъ.....	1.
X. Обѣдъ.....	24.
XI. Урокъ въ Исторіи.....	33.
XII. Камчадальское угощеніе.....	46.
XIII. Велюкодушіе.....	64.
XIV. Коварство.....	85.
XV. Прощаніе.....	104.

---





